

Забери меня отсюда

Есть такие дни, вспоминая которые можно сказать, что именно тогда все изменилось в жизни – полетело кувырком в тартарары, свернулось "улиткиной" спиралью. Даже время можно обозначить, когда тебя начинает в бараний рог сворачивать... А может наоборот – ты становишься самим собой?..

Вот это время и оказалось для него вехой, когда он был в своей квартире и смотрел на своих детей: каждый занимался своим делом – Стас, семи лет, возился в своем углу, Ира, - постарше на два года, - сидела за письменным столом и что-то писала, поглядывая в учебник. Она, как теперь виделось ему, получилась девочкой смышленной; он еще уверовал в то, что она продолжит путь его бабушки, которая в те еще времена работала учительницей в сельской школе. Стас отличался какой-то извечной занятостью – этот парень не мог оставаться без дела, он непременно что-то делал, обустривая свой быт – к примеру, переставляя стулья и меняя свое местоположение, либо совершая, на первый взгляд, бессмысленную работу, вот как сейчас - перекидывал из шкафа в коробку какие-то старые игрушки, зачем-то старые варежки, даже пару маленьких, тонких детских книжек...

Его, - Илью Валерьянова, - это нервировало. Он понимал все, что должен был понимать в своем положении и в этой своей жизни. После тюрьмы, особенно в первое время, все это очень радовало – всем был доволен и всем был благодарен, что существовали в его жизни, что дождались его, хотя сидеть он должен был столько, чтобы Стасу стало лет тринадцать. А смог сделать так, что оказался на воле практически через год после посадки. Помогли друзья, конечно же, а более всего те деньги, которые он успел сделать. Выгребли все до последнего; не пришлось трогать квартиру, в которой все это время жили жена и дети; сохранились машина, дача...- выдавать из него последнее не решились – в купюрах было надежнее, и достаточно, чтобы умерить аппетиты

С женой – Ларисой – отношения стали очень натянутыми. Дело было еще и в том, что она перестала его волновать как женщина. Вроде бы всем было понятно, да и "психологиня" одна сказала, что со временем все придет в норму, подсказала даже какие-то идиотские, по его мнению, приемы, но он как-то сразу принял для себя решение, что на этом покончит с любыми поисками решений, тем более, что даже не волновался за себя как за мужчину, который в свои тридцать мог приписать себя к когорте соискателей мудрости. Лукавил? Отчасти, до тех пор, пока не проверил на деле старое правило, что мужчина может говорить о себе как о несостоявшемся самце только после третьей женщины. Они с друзьями – корешами – поехали на гулянку за город, там были и девушки. Он выпил и с одной из них у него все получилось очень даже лихо, как в былые времена. Диагноза себе ставить не пришлось, он успокоился и решил жить дальше, занимаясь проектами,, вписываясь в старую компанию – в ней бойцов хоть и поубавилось, но ядро оставалось неизменным и крепким, как косточка вишни, которой можно поперхнуться, сломать зуб или которую можно выплюнуть кому-нибудь в рожу.

...И все-таки дети его нервировали. Он потянулся к телефону. Надо было уйти из дома на этот вечер. Он встал, и не попрощавшись с женой, ушел, тихо прикрыв дверь. Но она услышала, вдогонку позвонила ему:

-Ты куда пошел? Ни слова не сказал, и вот так ушел вдруг?! – голос ее был резким, неприятным, когда она злилась, хотя в другое время был грудным, низким, успокаивающим.

Иногда он сам себе удивлялся, что стал таким импульсивным, резким.

-Я скоро приду. Срочно надо. Позвонили, - сказал он и отключил связь.

У него рингтона не было на трубке, она жужжала, поэтому Лариса не смогла бы поспорить, де, не слышала звонка. А он бы не стал реагировать на любые ее возражения – отныне в доме было поставлено так – он делал все, что хотел, без оглядки...

Машина ждала его в соседском дворе. Жили они в высотке – в районе новостроек, где все дворы, обычно, заставлены машинами. И вот, подходя к своей, он обратил внимание, что его подперла мазда, причем так, что выехать было бы очень сложно, пришлось бы маневрировать много раз, вымеряя буквально сантиметры. Он стоял и смотрел на свою машину, оглядывался по сторонам и обратил внимание, что к нему из подъезда скорым шагом направляется высокий, худощавый мужчина, наверное, его лет, с лысиной, и какой-то "ломкий", как будто ноги и руки его превосходили требуемый размер, создавая ощущение хрупкости, неустойчивости... Еще и эта большая голова на тонкой шее, большой крючковатый нос! Илье стало смешно: мужчина этот ругался матом... И высказывал свое недовольство, что он, - Илья, - ставит свой "бюджетный хлам" под его окнами. Получалось, что он жил на первом этаже, коли указывал на эти окна.

Илья осмотрелся, вспомнил, где находятся камеры, которые, возможно, работают, а может и не работают,... заулыбался и просто извинился. Но "ломкий" парень от его миролюбивости только больше разошелся, в своей ругани имея повсякому близких родственников Ильи. Тогда Илья решил не превосходить дозволенную степень самозащиты и подойдя вплотную, попросил парня не ругаться, а еще наверняка добавил что-то очень обидное, - ну не вынесла душа поэта, - так что это долговязый замахнулся, делая это как в замедленном эпизоде из боевика. Зато в ускоренном, практически незаметном режиме, Илья сильным тычком под дых помог "Ломкому" сломаться в поясице, а дружеское объятие за плечи поставило матерщинника на колени. Со стороны могло показаться, что человеку стало плохо и его поддерживают, чтобы он не упал уж совсем – мордой в траву, а может и об асфальт, если подтолкнуть в нужном направлении. Даже более того, склонившись к уху, ему нашептывают утешительные слова. Дальше, с помощью доброжелателя, "Ломкий" встал на ноги и они оба направились в мазде. Илья сел за руль, прежде посадив на сиденье рядом "Ломкого". Машина завелась, выехала совсем с парковки и встала в трех метрах так, чтобы Илья мог уехать легко. Пассажиры мазды сидели в машине еще минуты три, потом Илья вышел и помог "Ломкому" пересест на место водителя. Все-таки хозяину мазды было все еще не очень, раз он то и дело склонялся к рулю. А Илья выехал на своей и, проезжая мимо открытого окна мазды, протянул руку и бросил в салон

что-то очень похожее на ключи. Никто не мог слышать, что еще он сказал, но человек с хорошим зрением мог видеть, как "Ломкий" кивает, и как смотрит на Илью, вернее будет сказать, старается не смотреть на него, но взглянув быстро, будто украдкой, то и дело кивает.

...Илья ехал медленно, потому что не знал точно, чего ему хочется больше – провести время в компании со старыми знакомыми, а лучше будет сказать – подельниками, или поехать к зданию одного незнакомого офиса и покараулить одну интересную особу... Недавно он познакомился с девушкой Машей, которая называла себя Ликой. Странной показалась такая игра в детство, но, как потом он понял, она была пьяна, а в таком состоянии всегда называла себя Ликой, как это часто делают проститутки на работе. Она рассказала, что все знали об этой прихоти ее и принимали правила игры, но даже если не принимали и упорно продолжали называть ее Машей, она нисколько не печалилась, даже не раздражалась, однако про себя отмечала, что этот человек не стоит ее внимания, если неуважительно относится к ее просьбе. А еще тешило ее тщеславие, если кто-то украдкой показывал другому, что считают ее немного чокнутой. Она знала и была уверена, что люди глубокой природы и с творческой жилкой непременно должны быть немного, чуть-чуть, такими сумасшедшими, сумасбродными, чокнутыми, ибо талант, гениальность всегда идут рука об руку с безумием. Откуда она знала об этом, вернее, с чего это она так решила, - теперь Маша-Лика вспомнить не могла, да это было и не важно. Главным делом всего дня для нее была попытка как-то выделиться из серой массы, из серого дня, особенно в серую промозглую погоду; в яркий солнечный день все становилось проще и понятнее – она одевалась ярко, откровенно, уже не заботясь об игре, зная наверняка, что ее заметят. Еще она могла ругаться и выпить много вина, при этом оставаясь в строю – веселой, доступной. Доступной для внимания многих, кто желал пообщаться с ней запросто, кому хотелось повеселиться и побалагурить. Особенно для начальства – для двух уже не очень молодых ребят, на которых и работала, довольная своей судьбой и своей способностью вкушать все прелести этой жизни.

Зачем Илье нужна была эта девушка, он пока точно понять не мог. Если предположить общепринятую версию мотива, согласно которому, один человек использует другого, тут же появлялось раздражающее чувство неполноценности себя и самой такой версии, потому что он легко мог оплатить услуги "профессиональной женщины" или накормить и позабавить женщину с инициативой, а то и с явными признаками тоски и голода по мужчине. Все это было скучно и он хотел оставить такое в прошлом, особенно после отсидки. Сейчас вдруг захотелось чего-то "реального" и "большого", чтобы дух захватывало, и чтобы насытило целиком, как если бы он наливал бак машины до самого верха, до перелива, чтобы даже лужица образовалась у его ног... Это была не метафора, а очень точное представление желаемого чувства; он даже вспомнил что-то прочитанное когда-то у Фрейда и удивился, что его визуальные фантазии так легко согласовывались с теорией этого прославленного извращенца.

...А дальше нужна была интрига. И она случилась очень быстро – они встретились раз, потом другой, потом в порыве страсти терзали друг друга в машине; он порвал ей в нескольких местах одежду, тут же обещал купить что-то новое и на следующий день они провели часа два в магазине; он обнимал ее крепко, до хруста в позвоночнике и синяков, зачем-то клялся в любви и удивлялся силе своего желания и ответной реакции организма, который просто поражал его своей устойчивостью, но, к сожалению, скорым апофеозом и быстрым выгоранием. Он не мог понять, насколько ей хорошо, но она была в восторге в любом случае, поскольку обладала способностью быть довольной самим актом соития, антуражем, - то была актриса, которая могла бы играть одинаково перед пустым залом и перед заполненным. Важна была сцена, на которой играли свои роли актеры-мужчины, а ей было дано право помогать им в этом деле. Она была счастлива! Она умела быть счастливой чуть ли не каждый день – точнее, каждый вечер, но не в утро...

Его и подкупила ее способность радоваться, и быть легкой, ни о чем не думать всерьез и быть открытой для него настолько, насколько и представить нельзя – ведь она так легко рассказала о себе и, как думалось, так откровенно, на что он был бы не способен... Они встречались еще и еще, только теперь в квартире, которую он снял для них. Счастье расплзлось вширь, поднималось, как на дрожжах, оно должно было заполнить пространство вселенной и слиться с вечностью, если бы однажды не произошел конфуз – он вдруг, в самый активный и горячий момент чувствований, сник – вот так вот взял и плюхнулся с невероятной высоты на землю – потерял все, и чувства, и множественные тона, краски, которыми красил весь мир вокруг, сменив их на черно-белые, холодные цвета, как бывает только с жуткого похмелья, поутру. Она не сразу поняла, но почувствовала, естественно. Спросила, что случилось? Он отвалил в сторону, вскочил и ушел в ванную. Там, стоя под душем решил, что она, наверное, ему изменяет, если так вдруг отреагировал организм. Скорее всего это подсознание сигнализировало об измене и теперь он понял все про нее. Вернувшись, он сразу спросил ее о преданности и получил в ответ клятвенные признания в этой самой преданности, а еще она поделилась с ним одним своим правилом, в соответствии с которым она не могла одновременно иметь двух партнеров. Он поверил ей на второй день, когда все снова сработало; в этот день они были аккуратными и сами остановились, сошлись на идее купить выпивку и весело довести этот вечер до его логического конца – до пустых бутылок и крепкого сна... в объятиях друг друга.

Встречались они в неделю по три раза, а однажды он обещал, что переедет жить в эту квартиру. Она предложила оплачивать половину аренды, он согласился. Ларисе сказал, что будут частые командировки, иногда ночевал дома и немного удивлялся, что Лика совершенно его не ревнует, даже не спрашивает, спят ли супруги, требует ли жена исполнения долга, есть ли у него желание быть с женой? От этого в нем еще больше забродила бактерия ревности, однако он молчал. Лишь пристальнее всматривался в свою пассию, стал чаще следить за ней. Вот так, выезжая из дома, или откуда-нибудь по сторонним от наблюдения делам, все равно оказывался на этом месте, сидел в машине и чего-то ждал, что-

то высматривал, надеясь на удачу и страшась этой удачи, потому что тогда бы пришлось убеждать себя, что Лика ничем не отличается от "соски" на остановке. Ничего такого не случилось, она по-прежнему была легка в походке и когда вылетала из двери здания и неслась куда-то по своим делам, он был уверен, что в здании так же была верна ему, как теперь, в одиночестве направляясь куда-то. Пару раз он организовывал встречу с ней, будто бы случайную, и она верила, что именно сегодня и в это время он проезжал мимо этой остановки, или мимо того дома, где они встретились. Он подвозил ее к тому месту, куда она ехала по делам ее конторы, они целовались, они разговаривали, потом она выпархивала из машины, а он оставался ждать, потому что каждый раз соглашался, что дождется завершения работы и подвезет ее домой, где скоро начнет оставаться с ней на ночь.

А вот сегодня все пошло не так. Он расположился наблюдать - ждать ее появления; он предварительно позвонил ей и узнал, что она на работе, закурил и включил приятную музыку, впрочем, вскоре переключив на радиостанцию, потому что все-таки нервничал; в кармане зажужжало, он вытащил компактный модный гаджет и удивился – номера не было в его контактах.

-Ну? – спросил в трубку, - кто это?

Ответил до боли знакомый и неприятный голос:

-Я это, сынок, я...

-Ты опять приехал?

-Не опять, а снова. Да, я в городе. Не хочешь с отцом встретиться?

Илья промолчал, лицо его сморщилось – чувства, которые в нем возникали при появлении этого человека, из частицы которого он произошел, были не путанными, не сложными, а очень даже простыми и однобокими. Он кривился не из каких-то там моральных переживаний, не из психологии отношений со своим отцом, а просто так, как это случается с нормальным человеком, когда он вляпывается всей ступней в кучу дерьма! А то и пачкает одежду... Иной раз, если он находился не в машине, на улице, в помещении, слюна начинала вырабатываться обильно и он вульгарно поплевывал, потом постепенно успокаивался. Сам Илья за собой этого не замечал, не мог проконтролировать себя полностью – именно эти начальные чувства, - но справлялся с собой; и внешне выглядел нормально, во всяком случае, мало кто смог бы заметить в нем такой степени отвращение, которое сын может испытывать к своему родному отцу.

-Чего приехал-то? – спросил Илья, спустил стекло и сплюнул в сторону.

-Сынок, я, скорее всего, перееду жить в Ленинград, ну, то есть в Питер...

-С чего это вдруг?

-Понимаешь, все проще пареной репы – в моем возрасте пора устраиваться поближе к родным...

"Нагло, - подумал Илья, - но не придерешься..." Не хотелось уходить в дебри каких-либо рассуждений, или, пуще того, высказываться упреками, да еще и что-то вспоминать. Надо было поскорее понять, для чего он действительно звонит, потому что из-за каких-то там родственных переживаний этот человек не стал бы связываться со своим сыном, как не стал бы отдавать долг, если бы занял денег,

не стал бы помогать деньгами, если бы их у него было больше, чем уместиться в кармане... Когда-то он не стал помогать жене справиться со смертельным недугом и уехал; жена справилась сама и по сей день жива. Однажды он потерял сына, потому что остался с друзьями пить во дворе, а сын ушел домой сам, благо, зная дорогу. И было этому сыну года три. Мать искала ребенка по району, а ребенок терпеливо ждал мать у двери; мать дралась с мужем, а тот бил ее, почему-то вдруг усомнившись, что сын его, а не нагулянный...

Нет, вспоминать Илья не любил, хотя вспоминал всегда один случай, когда было ему уже много больше трех лет. Вспоминал, как отец врезал ему так, что следующим кадром перед его глазами был асфальт и кровавые пятна на нем. За то только ударил, что сын вздумал заступиться за мать: тогда они пили уже вдвоем, и тогда ему было уже четырнадцать. Мать застучала их недалеко от дома, в компании "ханыг" дворовых и решила спасти сына. В общем, акт спасения удался, потому что именно после этого случая Илья перестал общаться с отцом всерьез, окончательно решив для себя, что однажды отомстит за этот удар. А случилось так, что мать стала оттаскивать сына, а отец своим здоровенным кулаком ударил ее прямо в лицо. Вот тогда вмешался Илья и получил мужской удар в скулу. Они с матерью оба ушли, а отец остался с мужиками. Потом, вспоминая, Илья удивлялся, что стояла тишина, что никто из мужиков не проронил ни слова... Хотя, ведь было же чему удивляться – отец бил сына как взрослого мужика, от всей души!

Звали этого отца Вовой и теперь ему уже было года на три больше полтинника, хотя выглядел он старше; наверное, пил много, или от безделья, когда, не имея пристанища и постоянной работы, то и дело втягиваешься во всякие авантюры и живешь по разным городам с разными людьми, то там, то тут вписываясь в разные "темы". Ему везло на авантюры, часть из которых инициировал он сам. Странное дело, что сидеть ему не пришлось ни разу, тогда как подельники уходили мотать срок. Кто-то догадывался о его гнусной натуре, но никто в этих мелких делах не обладал сноровкой настоящего бандита, со связями и мало-мальски авторитетом, чтобы отомстить... Или Вова умел выбирать подельников и вовремя менял дислокацию. Гнилой был человек, несомненно, но веселый... По-своему веселый, когда умеют смеяться там, где всем становится грустно...

-Ну что, сын, встретимся сегодня? – спросил Вова.

-Нет, ответил сын, сегодня я с тобой встречаться не буду. Занят. Позвони завтра...

-Ты не понял, Илюша, я еще не в том состоянии, чтобы пузыри из носа пускать и просить у тебя милостыню.

Илья легко представил, как из носа отца вырастают сопливые пузыри и его, и без того брезгливого в отношении этого человека, передернуло всем телом.

-А проси – не проси, батя, я тебе ничего не дам.

-Дашь, сынок, еще как дашь, если я на тебя в суд подам. Я тебя вырастил, теперь ты будешь за мной ухаживать, если я вдруг стану немощным. Закон есть такой... Но я не поэтому с тобой говорю. Я тебе тему привез хорошую, жирную...

-Ага, я представляю, чего от тебя можно ждать... А ты вообще чего с угроз начал. Знаешь, говорят ведь, нет человека, нет проблем. Не станет тебя, не будет у меня проблем. Так что не суйся, если хочешь прожить свой век целиком...

-Напрасно ты так. Ты вначале выслушай, потом делай выводы...

Судя по голосу, по тону, Вова был уверен в себе и в своей теме...

-Ладно, все, ты мне надоел, батя. Завтра звони, встретимся.., - сказал Илья и выключил связь.

Отец перезванивать не стал. Вскоре появилась Лика, за ней вышел ее начальник. Они сели в джип и быстр уехали. Такое он наблюдал впервые. Набрал ее номер, спросил спокойно, как дела. Она отвечала радостным голосом:

-Я соскучилась! Мы сегодня встретимся? Ты приедешь?

-Скоро буду, - отвечал он.

-Хорошо очень! Мы можем встретиться. Меня подбросят к дому. Приезжай...

Вроде отлегло от сердца, он почувствовал, как расслабляются мышцы тела... Удивительно, что при своем скромном росте и невидной фигуре он обладал незаурядной силой. Рукой в пожатии легко бы смог сломать косточки чьей-нибудь кисти, привыкшей держать ручку и тарабанить по клавишам компьютера; удар отработал такой, что легко посылал человека в нокаут, но чаще боялся убить, потому бил вполсилы. Вынослив был как старый бегун, потому что когда-то бегал по утрам, вернее – всю молодость и все отрочество провел в спорте, разве что когда с отцом вдруг запил, и то на короткое время... Думается, вся эта сила и выносливость перешли ему именно от этого отца, хотя тот был повыше. Ростом он пошел в маму, должно быть, и характером тоже, хотя теперь все чаще стал сомневаться, все чаще стал ловить себя на гневных порывах и какой-то совсем необоснованной злости, которая возникала вдруг и исчезала внезапно, быстро, как икота... Его даже смешили эти приступы гнева. Потому что он их контролировал легко, и больше всего хотелось понять связь между событиями жизни и этой своей реакцией. Пока эту связь нащупать не удавалось.

По пути он заехал в магазин и набрал к ужину полный пакет. Знал, что останется на ночь. Сегодня он точно останется на ночь.

Лика была уже дома, встретила его по своему обычаю радостно, "обнимашками", как она выражалась, и сильным запахом алкоголя. Это означало, что принимать сегодня она начала уже на работе. Ей было весело, радостно!

Она взяла пакет и, накренившись набок под тяжестью, пошла на кухню. Разувааясь, он смотрел ей вслед, удивлялся, что она успела переодеться - сменить джинсы на короткое платье; изменила прическу – распустила волосы, освободив их из хваткой скрепки. Вот и казалась ему молоденькой девочкой... с недетскими глазами и подростковой фигурой. Вообще, в ее лице было что-то от беличьей мордочки – не в чертах, не в замысле природы, а в выражении этого лица, особенно когда она напивалась. Он эту особенность заметил давно и готов был насмеяться каждый раз, если бы не страх, пока еще существующий страх, поссориться серьезно...

Лика умела кухарить и делала это даже с удовольствием, пока градус не зашкаливал. Получалось у нее быстро и вкусно. Он мог ей помочь в мелочах, если она просила, а так садился, курил, смотрел на нее; они разговаривали о пустяках,

хотя, больше спрашивал он и она что-то рассказывала, иной раз отвлекаясь на сообщения в трубке и отвечая коротко... А еще Илья, когда знал, что останется на ночь, начинал догонять ее – наливал себе понемногу, курил с удовольствием, с особым вкусом, как бывает, когда куришь после первых рюмок водки или виски, выпитых на голодный желудок ... Она-то пила вино, которое он терпеть не мог, а он заводился медленно с крепкого алкоголя, помня, вероятно, как это делал отец.

Когда они сели за стол, Лика прекратила суетиться, налила себе по полной в стакан и фужер; она сказала вдруг просто, между прочим:

-Я, кажется, беременна! – и сказала так, наверное, как если бы у нее нашли триппер, или она купила бы новый телефон.

Он услышал свой вопрос как бы со стороны, немного удивляясь своей реакции:

-А чего пьешь? Тебе нельзя пить.

-Знаю, но я ведь пока не уверена, что беременна... на самом деле.

Он кивнул.

-А от кого?

-От тебя, от кого еще?

-Почему ты так уверена? – продолжал он так спрашивать, просто следуя своей логике, а еще потому, что водка начала действовать, окуная его в теплынь беззаботности и спокойствия.

-Да потому, что я вообще никогда не беременела, а вот от тебя почему-то получилось... Ты рад?

Он вспомнил своих детей и представил, как скоро, чуть ли не завтра, у него будет еще одна девочка. Представил, но до конца не понял, что такое возможно. Надо было спросить что-то очень важное, а он не мог вспомнить. Вспоминал, как дети занимались своими делами, а он сидел и смотрел на них, как нервничал, сам не понимая отчего... Теперь он будет и здесь сидеть и смотреть на девочку. Но вначале она будет маленькой и Лика не сможет справляться, ей никто и помогать-то не будет; у нее нет никого, значит, ему придется заниматься ребенком – вставать по ночам, готовить каши, или как там?.. И, ведь совершенно не было уверенности, что ребенок этот от него...

-Илюша, ты расстроен? Я так и думала!

-Не, просто привыкаю к мысли...

-Ааа. Ну если так, тогда хорошо, понятно...

-Ну давай, за девочку! – предложил он выпить.

-За девочку, так за девочку! – отвечала она.

Они выпили.

-Все-таки не надо пить! – сказал он с серьезным видом.

-Не надо, - отвечала она, но вдруг рассмеялась, - а то получится из нее такая же пьяница, как я. Я ведь не пьяница?!

-Нет, ну что ты. Не надо так о себе.

-Не надо.

-А на кого она будет похожа? – спросила Лика.

-На нас, - отвечал Илья. – На кого еще? Вот прикинь, заходит она на кухню, такая, в платице, и мы тут сидим и разговариваем.

-А как мы ее назовем?

Он задумался, посмотрел на нее и удивился желанию ударить по этой тупой физиономии. А еще в этот момент засветился экран трубки и раздался характерный звук, означающий, что пришло сообщение.

Она схватила трубу и начала лихорадочно барабанить по экрану пальцами, улыбаясь улыбкой недоумка. А он схватил ее и поволок в спальню. Она шуточно отбивалась, и не стала сопротивляться, когда он отнял трубку и отложил ее в сторону.

...Спал плохо, тяжело, было душно, да и Лика храпела. А поутру, когда подумал, что проснулся, увидел дочь свою. Она стояла и смотрела попеременно то на него, то на Лику. Ему стало стыдно, он растерялся, подскочил, хотел спросить, как она здесь оказалась?

-Маша! – крикнул громко и проснулся.

Оказалось, что сидит на постели. Услышал позади голос Лики, которую когда-то тоже называли Машей:

-Чего? Приснилось что-то страшное?

-Нет, - отвечал он, - нереальное... А девочку назовем не Машей.

-Хорошо. Можно Катей.

-Можно Катей. – эхом отозвался он и поспешил прочь – в ванную. Снова накатило, и появилось это сильное желание ударить ее по лицу, как если бы это надо было сделать вместо того, чтобы разбить тарелку об пол, экран телевизора пепельницей, или еще что подороже...

Добираться до этого места было недолго, хотя находились эти бараки за городом. Сюда лежала дорога в сторону от основной магистрали, потом надо было проехать немного по бетонке, свернуть на восток и нырнуть в заросли. За ними и открывалось неприглядное зрелище запустения, разрушения, что происходило повсеместно в стране после проделок с перестройкой и с новыми новаторским почином в области экономики.

Еще давно они купили эту землю с постройками. Что-то отремонтировали, а в основном использовали помещения для производства продукции народного потребления. Долго шли к этому решению, каждый шаг был продуман, так что сейчас не надо было сильно нырять в криминал, а достаточно было исправно платить всем и делать свой бизнес, если производство контрафакта тоже можно назвать делом. Это было лучше и безопаснее, чем все, чем он занимался в прошлом. Нестыковка в философии этой жизни – в том, как он ее понимал, философию эту - заключалась только в том, что никак не хотел он связывать риск такой деятельности с наказанием, которое понес, однажды выбивая долг у наглого предпринимателя. Его посадили потому, что твердолобый и жадный

человек умер после побоев. Илья знал, что шел за своими деньгами и никак не ожидал, что день закончится камерой, с которой начнется другая жизнь, положенная в сроки своих аж на целых десять лет, и усеченная до одного. Все же было что-то и правильное в новом мироустройстве – думал Илья. Деньги делали невозможное, упаковывая чудо в формат сделки, - дерзкой и выгодной по всем параметрам и для всех участников. Никто не верил, что он выйдет через год, а когда это произошло, его лишь поздравили, а он иной раз представлял до этого, что люди будут ликовать! Конечно, не совсем нелепым был он в своих фантазиях, просто не мог сдержать себя от чувства восторга и казалось ему, что если он удивлен, остальной мир должен был жить его чувством! А когда он вышел на свободу, мир изменился за год, и он изменил в себе этот мир, пока еще не понимая каким образом и что именно?

Между зданиями и этими полуразрушенными постройками проглядывались тропинки, а там, где часто проезжали машины, колея. Тут даже железная дорога проходила – рельсы поржавели, их почти не было видно из-за травы. Он прошел знакомой дорогой, махнул рукой сторожу, который смотрел на все вон из той постройки, спрятанной в чащобе леса. Вошел в цех.

Здесь трудились те, кто никогда и в город-то не выезжал. Они приехали из другой страны, имели внешность кукольную, росток детский и говорили на мяукающем языке. Их волновали только деньги, они менялись периодически и этим занимался их куратор.

В цеху на верхнем этаже в окнах маячила фигура человека. Илья поднялся по металлической лестнице и поздоровался с мужчиной крупного телосложения. Его звали **Витей**, он был старше всех и предпочитал все дни проводить здесь: он попивал в меру, так, что никто и никогда не видел его пьяным, но все знали, наблюдали его в хмельном состоянии, которое он демонстрировал с каким-то даже превосходством, вероятно имея ввиду, что жизнь его состоялась удачно, раз он мог позволить себе быть расслабленным практически все время. Ну или казался таким сытым и заносчивым, потому что мало соображал, что происходит в мире вообще, и хорошо понимал, что от работы этого и других цехов зависит все его право... быть сытым и довольным. Вероятно, таким он стал после отсидки длительного срока, о чем все еще хорошо помнил, поскольку откинулся недавно; а еще он умел чувствовать себя комфортно в замкнутом пространстве в силу привычки из прошлой жизни. Он действительно с большой и нескрываемой печалью, а иной раз и с раздражением, покидал свое рабочее место, или свой пост, если приходилось куда-то уезжать, так что бригада скоро поняла, что не надо его дергать понапрасну, а иметь постоянного человека на объекте куда выгоднее, чем плохого бойца рядом.

У Вити не было семьи и родителей, иногда **Сергей** – другой напарник – привозил ему проститутку, впрочем, со временем Витя все реже и реже стал обращаться к нему с этой просьбой. Важно было, чтобы в углу стояли ящики с коньяком, было много закуски, работали видео и телек. У Вити были огромные руки, большое тело, высокий рост, грубые черты лица и мечта уехать жить – когда-нибудь в конце своей жизни – на остров в океане,.. или в тайгу. Не мог он не мечтать; иначе пришлось бы вспоминать прошлое, детство и молодость, потом

зону, а это делать ему очень не хотелось – он начинал волноваться, потом злиться, хотелось кому-то отомстить за то, что вынужден заниматься этой бессмыслицей, которую называют жизнью. Поэтому он знал, что легко уйдет из жизни, если понадобится сложить голову в бою. Но только в бою – либо за великую цель, либо против врага. И не иначе. (К сожалению, на протяжении этого повествования ему не придется даже пострелять или подраться.)

Зато **Сергей**, который вот-вот должен был подъехать, - тот постоянно влипал в ситуации, из которых успешно выходил, как непереваренный продукт... Он был маленького роста и очень подвижный, зачем-то носил бородку, копировал кого-то из известных музыкантов, был традиционной ориентации, хоть иной раз и чрезмерно манерничал и, естественно, одевался хорошо, вроде вычурно, вроде и со вкусом. Голосок имел высокий, звонкий, но нельзя было это назвать фальцетом – просто он говорил чаще на повышенных тонах, в нем было много экспрессии и потому, наверное, он повизгивал, когда эмоции переполняли его. Машину купил дорогую и большую, "оттюнинговал" ее так, что в ночи такая легко сошла бы за маленький корабль НЛО, если бы об этой марке люди не знали. Вообще, все в нем было таким ярким, совершенным, модным и электронным.

Он приехал как раз вслед за Ильей, так что начавшийся разговор с Витей ни о чем был тут же прерван. Сергей шумно поднялся по лестнице, распахнул дверь и принялся здороваться со всеми за руку. Это он делал по привычке из прошлого – из девяностых. Сергей, который с первого взгляда мог показаться младше всех, был старше на много – Илье так вообще годился в отцы, если приглядеться к морщинам на лице, к рукам. А еще он курил пахучие и дорогие сигареты, невольно Илья угощался, как если бы ему предложили, или потому только, чтобы друг и партнер, соратник и... брат не обиделся вдруг, решив, что вкусы его устарели – это раньше было принято восторгаться возможностями и привычками того, кто мог себе позволить курить дорогой табак, теперь все были на равных, и оттого аппетиты поубавились, многое стало казаться второстепенным, ушло в прошлое.

Поговорили о некоторых деталях прошлой сделки. Это общение обычно продолжалось недолго, если не было проблем, но иной раз приходилось заострять внимание на чем-то, что требовало тщательности в подходе. Теперь они стали обсуждать предстоящую сделку с новым покупателем. В этом общении все было стандартным, таким же, как много раз показывалось и проигрывалось в фильмах, в которых герои торговали оружием или наркотиками. Все-таки они тоже занимались нелегальщиной, нервничали, как это делали и те, кто легально мог сдать товар и не получить деньги, если речь шла о больших партиях, о ходовом бизнесе, вообще о сделках, в которых участвуют люди и деньги.

Скучный был разговор, Витя слушал вполуха, а может и вообще не слушал – во всяком случае, в их сторону ни разу не посмотрел. Он упорно пялился в экран, курил и то и дело отхлебывал из стакана коньяк. Любил он смаковать этот напиток.

-...Так вот, парни, я чего хочу сказать? – говорил Сергей, - тут есть одно дело! Появился человек, который предлагает жадного покупателя. Берут оптом. Большую партию, - он назвал количество, - но с частичной предоплатой. По

загрузке, остаток суммы. Странно, как-то получается, но вот условия такие. Будем связываться? Точку-то не покажем, как обычно, отсюда перегрузим на транзитную фуру, а в поле перекидаем к ним. Узкое место, понимаю, могут там и завалить, если что... - вроде бы шутил Сергей.

-Не завалят, нам помогут. Недорого. – отвечал Илья, глядя в сторону.

-В смысле, "помогут", - поинтересовался Сергей и показался он тогда Илье каким-то настороженным, и подумал вдруг Илья, а не пора ли расходиться?

Дело в том, что после своей короткой отсидки, после жизни в хате, у него очень обострилась интуиция – он думал, что действительно мог ловко считывать чужие мысли. Вот как сейчас... И если раньше списывал на собственные фантазии, то когда убеждался в правильности своих догадок, довольный соглашался сам с собой, что впредь будет прислушиваться к тихому голосу своей интуиции...

-Я в том смысле, что им скажем, если что не по сценарию, то как в кино, постреляем всех. Снайпера посадим на крыше...

-Илюша, ты что пил вчера?

-А причем тут это? Всякое "злонамерение" должно быть наказано...

-"Злонамерение"! – вторил ему Сергей. – Ты где такое слово нашел?

-Не искал я, само пришло...

-Да, "злонамерение" – это круто, - с театральной задумчивостью проговорил Сергей, - однако подумать надо крепко. Мне тоже такой расклад не по душе пришелся с самого начала, но спросить вашего мнения надо было...

Дальше разговор не клеился и через какое-то время Сергей сказал, что, действительно, рисковать не стоит, потому что и так свои проверенные покупатели дают хорошую прибыль, и что он откажет жирным покупателям. Илья не возражал, Витя оставался глухим...

Во дворе Илья вдруг сказал:

-Баба у меня одна появилась, теперь беременная ходит.

Сказал, не глядя на Сергея. Они подошли к машинам и теперь стали друг напротив друга. В глазах Сергея играли искорки – смешинки, такие бывают у тех, кто не то, чтобы злорадствовал очень, а скорее, кто привык, или хотел бы видеть всех в смешном положении, из-за чего свое собственное не казалось бы самому себе убогим. Ну убогий был этот Сергей, как его не крути – что-то в нем говорило о вырождении его рода; единственное, что могло смотреться как компенсация - это хитрость и подлость, на которые он был способен легко – как птица приспособлена к полету, а саперная лопата к рукопашному бою... Вот и теперь он ведь прощупывал Илью, придумывая историю про жадного покупателя. А Илье было наплевать на замысел Сергея – главное, он не дал замыслу развиваться в намеченное действие; судя по всему, Сергей отказался от возможности срубить лишнего, или не понял хорошо, про каких снайперов говорил Илья, шутил или намекал, что со своей стороны всегда подстрахуется... Давно они знали друг друга, чтобы доверять и не настораживаться всякий раз, когда в поведении партнера появляется что-то новое, непонятное. А ну его, в таком случае... И так все хорошо получается, нельзя от добра добро искать...

-Решил начать жизнь сначала? – задавая этот вопрос, Сергей, должно быть, жестоко шутил.

-Я понял, что с прошлой не покончить пока... - метнув на Сергея взгляд, как нож, Илья продолжил. - Не знаю, что с ней делать? Иногда кажется, что люблю, а когда долго не вижу, вроде спокойнее становится, хотя, ненадолго... Блин, какая-то ерунда получается... Как откинулся, все не могу собраться, все кажется, должен что-то вспомнить, или что-то должно произойти...

-Это посттравма, - с видом знатока заявил Сергей. – Пройдет время и все уляжется... Уверяю. Ты не первый. А с бабой можешь просто – подкинь ей денжат хороших, пообещай хорошую жизнь, она сама пойдет на аборт. Сколько ей лет?

-А хрен ее знает. Вроде за двадцать давно, но нет пока тридцати. Какая разница?!

-Большая, братан. После тридцати они оставляют ребенка, а до этого еще надеются найти среди мужиков достойного, принца, понимаешь... Я смотрю, ты в думках серьезных.

-Да, если это так можно назвать, - отвечал Илья и протянул руку для пожатия.

Они расстались, разъехались. Илья все думал, как в замедленном кино, что Сергей пригласил поговорить, как обычно они делали, если речь шла о сделке или о серьезных вопросах, а получилось как-то смешно, "по-пацански", будто собрались так накоротко, чтобы просто "побазарить" ни о чем... Особенно запомнилась его реакция на "снайпера" на крыше, на то, что в случае "кидка" будет дан адекватный ответ. Что-то зондировал Сергей, и даже мнение Вити для него имело значение, иначе можно было бы в городе встретиться и не светиться тут. Витя не любил, когда они просто так к нему наведывались – он хорошо управлялся с контролем и руководством, дело спорилось, коллектив иностранцев работал как механизм отлаженного станка... В конце концов, Илья знал правило, что если ты обратил внимание на что-то непонятное, скоро последую подсказки и в конечном итоге проявится скрытая сторона дела.

Мысли его снова вернулись к Маше-Лике и защекотало где-то в животе, или как говорили раньше – "под ложечкой" Чувство было новым, странным. Он понял, что снова поедет к ней, что сегодня они должны встретиться.

У работы не стал дожидаться, будто ревновать прекратил. Странно, что сейчас это чувство его не волновало, скорее хотелось встретиться с ней и сказать теплые слова. Поэтому подъехал он к дому, где была квартира, которую арендовали. Уже снизу заметил, что форточка открыта, потом прислушался – доносилась музыка, человеческие голоса: можно было подумать, что собралось много людей, что молодежь проводит бурно время. А когда поднялся и она спешно открыла ему дверь, оказалось, что их всего две! Две девушки, которые к его приходу так набрались, что готовы были с удовольствием поразвлечься с ним. Он поначалу не сразу сообразил, что они не шутят, стал подкалывать их; даже "пощекотали" друг друга. Вторую звали **Ланой**, - Светланой Она была обычной, какой может быть девушка 23 лет, у которой родители жили весело и так, что ребенок с детства кроме попоек и вечной гульбы больше ничего не видел. От нее

пахло странно – чем-то таким, как бывает в лавке, где продают индийские благовония. Он еще спросил Лану, а та рассмеялась и ответила, что это они сегодня заходили в парфюмерный магазин и надушились.

-На, понюхай меня – я везде так пахну, - она надвинулась на него всей грудью и он уловил запах получше, поприятнее.

Сели пить и в балагурстве, в шуме и в каком-то бессмысленном разговоре, о котором просто нереально бывает вспомнить спустя полчаса, набрались быстро. Затем его потащили в спальню. Шторы были задвинуты и он уже не мог сообразить, какой нынче время суток и что должно происходить в это время. Девушки взяли всю инициативу в свои руки, подключили свои тела и получилось что-то такое среднее между баловством и развлечением, методичным стремлением к удовлетворению и постоянной потерей интереса со стороны единственного их баловня. В конечном итоге, дело было брошено на половине и все, утомившись, как котята, которые, наигравшись, укладываются спать где попало..., замерли в nepотребных позах.

...Жужжание телефона длилось долго, или он пить захотел и проснулся. Снова запахло индийским магазином. Оказалось, что он лежит, уткнувшись лицом в пах Ланы... Подумал, что Лика не шутила. Когда говорила, что она везде пахнет так. "Значит, Лана везде пахнет Индией!" – подумал он.

Звонил отец.

-Ты что, спишь уже? – удивлялся он.

-А что, а который час?

-Половина девятого....

-Мне не надо вставать рано на работу... Сейчас не ваш социализм!

-Рано? Половина девятого вечера. Двадцать тридцать... Я смотрю, ты на славу погулял...

-А ты чего звонишь?

-Надо бы встретиться, сын. Дело есть хорошее. Я тебе говорил уже.

-Сейчас, что ли?

-Да.

-Нет. Завтра утром.

Илья отключил связь.

Вернувшись в комнату, некоторое время смотрел на голых девиц. Пока вдруг не обнаружил себя чрезвычайно охочим до запахов Индии. И прить откуда-то появилась, так что скоро он разбудил Лану, а та – Лику, из чего получился настолько забавный эпизод, что девчонки от восторга визжали, а он проверял на выносливость свое сердце, все-таки удивляясь откуда-то взявшемуся куражу. Еще фраза забавная родилась в голове: пути желания неисповедимы!..

В прошлой жизни и в прошлой стране Вова работал на заводе – приехал по набору из глубинки, быстро дорос до мастера, а потом захватили шабашки. Зарплата и частые попойки, частые смены подруг жизни – все это он назвал однажды однообразной жизнью и решил вдруг жениться, создать семью, естественно, задев той, которая станет его женой, ребенка. Получилось как мечтал, а может даже планировал. Ее звали **Зиной**, она могла так же иногда выпить, хотя не считала себя разгульной; она очень хотела выйти замуж, потому что наступило время, потому что, естественно, считала или видела, что все... подружки удачно повыскакивали замуж, а она что-то задерживается – не востребовавшая, дурнушка... Одним словом, сошлись они легко, даже понравились друг другу, а Володя однажды поутру вдруг признался ей в любви, ну или как-то так задушевно поговорили, после чего решились на серьезный поступок – оставить ребенка, не делать аборт. Так появился на свет Илья.

Поначалу он пил в меру и не дрался, а когда родился ребенок, все и началось. Закончились у Володи фантазии, он убедился, что жизнь – это сплошная рутина и скука, от которой может избавиться только тот, кто способен отличать главное от второстепенного, кто умеет делать так, чтобы не обманываться иллюзиями и не тратить себя в угождении кого бы то не было. Одним словом, он стал думать, как избавиться от ребенка и жены, хотя, с другой стороны, не представлял, как можно жить иначе, чем это делали его родители, прожив вместе до конца жизни. Вот этот барьер он долго переступал, как только что начав ходить самостоятельно, ребенок с трудом переступает порожек в квартире. Но однажды подвернулась какая-то девка, он с ней стал встречаться, а она подставила ему свою подругу, он стал и с той встречаться и ночами пропадать, пока жена не поняла, что муж наострил лыжи прочь из дома. Попыталась она как-то удержать его, но скандалы стали происходить чаще, он начал бить ее, причем если поначалу аккуратно и без следов, то потом наотмашь и с синяками. Ничего не боялся, сына не стеснялся; однажды избил его. Вот в тот день она и предложила ему при первой же возможности уйти прочь. Он только и ждал этого. На дворе стояла перестройка, страну ждал крах, деньги быстро теряли силу, можно было делать все, что угодно, зарабатывая доллары... И тогда именно он уверился, что станет очень богатым человеком. Как эти березовские, чубайсы с черномырдинами, как ельцинская дочь, как все правительство, в котором ротация означала только смену одного вора другим. Все катилось к черту! Он даже стал подумывать, что однажды страну сдадут западу и разделится страна эта на много стран, между которыми потом устроят бойню... Значит, надо было успеть сделать капитал и свалить в Америку... Вот такой план, не иначе как удачный и легко, быстро исполнимый понес он в своих мозгах и в сердце... Отсюда и понеслось: сделки и команды сменялись одна за другой, людей он менял так же, как меняют лезвия в бритвенном станке. Он часто думал, что использует людей, а на самом деле использовали его силу и авантюризм. А когда он научился в совершенстве подставлять людей и вовремя исчезать из их жизни, на него уже был объявлен всесоюзный розыск. Впрочем, власть сменилась, дела были сданы в архив, учеты уничтожены и Вова почувствовал себя новорожденным. Тогда закончилась эпоха ельцинского беспредела и наступило

непонятное время, когда стали давать кредиты и в экономику хлынули инвестиции. Тут он решил испытать удачу, как всегда испытывал крепкий организм на выносливость, выпивая больше всех. Снова ничего у него не получилось, разве что он отточил мастерство обмана, и методику сваливания прочь за красные флажки. Этот волк одиночка в совершенстве умел подставлять тех, кто был с ним и рассчитывал на куш. Было бы интересно рассказать обо всех его похождениях и мероприятиях, но тогда пришлось бы писать большую книгу, содержание которой напоминало бы отчет исследователя, увлекшегося темой маньячества и убийства, темой человеческого нравственного падения до состояния, которое кто-то назвал бы пограничным, а иной поставил бы и диагноз, не в силах объяснить, как может человек так относиться к своим желаниям, чтобы легко переступить через человеческие трупы – тела тех, кого ему пришлось убирать со своего пути. И еще штрих к моральному портрету Вовы – удивлялся он более всего тому, что так и остался на уровне побирушки, так и не стал богатым человеком, хотя в подлости все делал так, как делали "они" – кто бы объяснил ему толково, что именно он делал не верно, отчего судьбы всегда была к нему в конце неблагосклонной и давала только возможность убежать вовремя и скрыться удачно?

...И всегда он находил новое дело и новых людей для своего дела. Нынче возраст заставлял его начать думать о старости, о покое, хотя нрав теребил как грибок заразный, от которого человек чешется до криков и страданий, не в силах успокоить зуд. Он понимал, что нынешняя сделка может быть началом серьезного дела, которое помогло бы ему спокойно прожить старость, тем более в общении с единственными людьми, которые способны были его принять. И вместе с тем все еще стояла перед ним мечта высотой с американский небоскреб, что он все-таки станет богатым человеком – настолько богатым, чтобы купить дом... теперь уже в Лондоне, и дожить там свою жизнь, имея рядом молодую жену и сына от нее... Да, он понимал, что такая мечта есть не только глупость, но и бред, однако же снова и снова слышал внутренний голос, который провел его по всей его жизни: этот голос тихо шептал, что нельзя упускать шанса, который может быть последним в жизни.

Илья пропустил тот момент, когда отец его появился на сцене – как в жизни он не мог быть свидетелем этого "таинства", так и в этот раз не заметил, откуда старик появился. Он просто возник рядом с машиной, дверь распахнулась и вот он уже сидит рядом.

Естественно, от него пахло водкой, он был восторжен, сдержан, а еще смотрел чуть иначе, чем когда-то, как будто этот человек мог измениться...

-Привет, сын! – он протянул руку для пожатия.

Илья ответил.

-Ты угрожать начал, видать, я тебе действительно нужен? – начал Илья, решив только слушать его и не задавать лишних вопросов.

-Мы не будем разбираться, кто кому нужен. Есть тема, жирная тема! – начал интригу Вова.

Илья не мог не рассмеяться – нет, он вначале улыбнулся, потом само собой получился смех, как будто его кто-то пощекотал...

-А чего тут смешного? Ты хочешь сказать, что я не могу поднять хорошую тему?

-Да нет, просто сегодня мне уже предлагали тему... От нее пришлось сразу отказаться...

-Почему?

-Наверное, потому же, почему я откажусь от твоей темы.

-Так ты же еще ничего не знаешь, - Вова хотел казаться искренним в своем удивлении.

-Не знаю, но могу догадываться... Короче, слушаю тебя. И давай сразу по сути и с цифрами.

Отец и сказал сразу, на какую сумму готов закупить товар. Добавил, что это первая сделка. Будет вторая, будет гораздо больше.

Илья ничего не отвечал, только смотрел на Вову. Ждал самого главного обещания, которое должен был высказать отец, потому что если оба знали, что Илья способен предоставить товар, то только один из них мог знать точно, насколько реальны деньги, которые нужно будет заплатить за этот товар, и на каком этапе сделки деньги должны быть, как минимум, предъявлены.

-...Да, все по предоплате, естественно, поскольку я являюсь гарантом со стороны продавца. Я так и сказал, что это мой сын, что он может достать такую партию. Естественно, со всеми необходимыми документами и сертификатами.

Илья еще некоторое время пристально смотрел на отца, хотя поначалу ему было противно это делать. Постепенно вкус к прибыли взял свое и теперь он видел перед собой клиента...

-Тогда делаем так, - сказал он. - Ты с деньгами едешь со мной, в определенном месте я тебя пересаживаю в фуру с товаром. И мы расстаемся...

-Хорошо, я согласен. Думаю, и партнер мой будет согласен. Ты когда сможешь достать эту партию?

-Мне надо договариваться, сразу такого количества может и не быть. Давай на послезавтра забьем.

-Хорошо, - легко согласился Вова, - деньги в городе, в любой момент подвезут.

-Значит, договорились! - Илья протянул руку для пожатия, что означало расставание.

Отец принял этот жест естественно, даже глазом не моргнул. Они не виделись несколько лет и вот так просто разойдутся, не сказав друг другу ни единого слова вне выгоды, вне сделки...

Вова уходил прочь от машины, Илья смотрел ему вслед - думал, что чем-то неуловимым похож на своего отца. И ему стало грустно, что он так отшил этого старика. Потом он решил поговорить с ним после сделки. И сделка случилась буквально через день.

Вообще, все складывалось последовательно, без суеты, как будто они не в первый раз встречались для сделки. Фура с товаром подъехала к условленному месту, Илья в это же время встретился с отцом и тот передал ему деньги. К водителю фуры в кабину сел человек от покупателя, второй скрылся в прицепе, вскрыл на выбор коробки, позвонил, потом вернулся в машину, которая должна

была сопровождать фуру, и они поехали по своему маршруту. Фуру загружали двумя маршрутами – подгоняла товар машина с липовыми номерами. Так делали всегда, чтобы не спалиться. Если нет разработки, то случай не выдаст, - решили в свое время партнеры, и так действовали всегда. В стране царил беспредел, но все-таки иной раз кого-то ловили для проформы, по случаю, по договоренности, по недоговоренности, если что-то в системе ломалось, что-то менялось, кто-то начинал жадничать, кто-то с кем-то не договаривался... Отец Вова намекнул, что могли бы встретиться вечером и обмыть это дело. А сын Илья подумал пару секунд, но почувствовал только отвращение – видеть эту рожу, слушать этот голос, а особенно рассуждения, - нет уж, такое выше его возможности терпеть...И потом, весь день названивала Лика – она уже была пьяна, предлагала встретиться, что-то говорила по поводу совместной жизни:

-Нам надо привыкать друг к другу. Мы семья. Полноценная семья. Скоро у нас будут дети... Нам надо вместе жить теперь...

Он готов был соглашаться с каждым ее утверждением, разве что вопрос единственный напрашивался – как пьянство согласуется с беременностью, что на выходе можно получить, если продолжать так часто и так помногу пить?

-Лика, ты снова пьяная. А как же беременность? – по своей глупости, или наивности, спросил он.

-Да, конечно. Я больше не буду. Так получилось сегодня, - сказала она, - больше такого не будет....

Он не верил ей, но помчался на встречу. В этот день она встретила его очень ласковая – терлась об него как кошечка, говорила всякое, отчего-то всплакнула; чувства у него к ней были возвышенные, даже слезы наворачивались, особенно, после того, как он тоже выпил от души, или для души. Они признались друг другу в любви вечной и уснули в обнимку. Он успел похвастаться, что сегодня на отце срубил большой куш... Она отметила, что он настоящий мужчина.

Еще вспомнил, как смотрел на него Сергей во время сделки. Он же был все время рядом, - дело проворачивали вместе. И было неясно для него, почему он с первого раза отказался от сделки, а с подачи отца согласился? Все так понятно, до примитивного просто, и вместе с тем так ужасно! Будто родину продал, будто сдался в плен, будто согласился на операцию по смене пола...

С этого дня прошло, наверное, недели три, может и поменьше. Немного надоедала Лариса – она названивала ему на трубку и пыталась что-то понять, в чем то его упрекала, потом будто смирилась окончательно со своей участью; называть себя совершенно обманутой женой не могла, потому что Илья продолжал ее содержать и не отказывался от детей, вот только он не скучал по ним, как если бы совершенно забыл об их существовании. Ну не испытывал он к ним никакого влечения, не сжималось сердце от разлуки, не было никаких чувств, кроме единственного сознательного состояния, которое может переживать

человек, обремененный обязательствами. Он был обязан. Раз сделал двух детей, он станет исполнять свои обязательства. На этом все, и даже мысль о том, что он есть продолжение своего отца, который также не мог чувствовать ничего человеческого к своему сыну, не отвлекала его надолго - мысль эта легко рассеивалась, как сигаретный дымок, смешиваясь с затхлым запахом в квартире, с общей атмосферой скуки и паршивости.

Лана, кажется, и вовсе переехала к ним жить. Во всяком случае, просыпаясь, он всегда встречался с ней. Часто у них получалось трио, которое они приноровились исполнять очень лихо - каждый понимал желания другого, кажется, по одному вздоху или выдоху; подчиняясь инстинктам, они и двигались слаженно, и желания исполняли без слов, по наитию, отчего приводили друг друга в восторг. Хотелось даже думать, что так будет происходить отныне и на вечно... Или это только Илье так хотелось думать?

Однажды они так разошлись, а Лика так орала и извивалась, задавая безумный темп, что в какой-то момент Илье решил, что она в своем возбуждении, в проявлениях этого состояния превзошла все ожидания и всех его бывших партнерш. В этот день они были вдвоем, сходили с ума в полумраке; она истекала как последняя нимфоманка, простыни намокли и это его заводило особенно. Когда вакханалия была завершена. Они немного полежали, отдышались и пошли покурить на кухню, немного добавить, чтобы чувство эйфории не прошло вдруг. Там, при свете ночника, и увидели, что все измазались кровью. Лика чуть сознания не потеряла – была бы трезвой, наверняка бы испугалась по-настоящему. А так. После первого чувства обескураженности и немного страха, махнула рукой. Сказала, что, наверное, надо бы "скорую" вызвать, потому что иначе она истечет кровью, что это, должно быть, выкидыш у нее. Илье испугался больше, они вызвали медицинскую помощь, а пока ожидали, помылись оба, оделись, и пропустили еще пару рюмок. Лику увезли одну, он остался. Накатил еще столько, сколько мог, и лег спать. Проспал долго, почти сутки – отметил, что впервые выспался за последнее время... Когда протрезвел и вспомнил все, подумал, что так оно лучше – ни к чему еще дети, как если бы это было венерическим заболеванием. Мир меняется, дети – это обуза; жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за отданные кому-то дни, месяцы и даже годы. Жить надо весело, в удовольствие, чтобы было что вспомнить. Наверное. Впрочем, он улыбнулся этой галиматье, остановил процесс рассуждения, послал все далеко от себя, привел себя в порядок и уехал по делам – вначале надо было проведать Лику, потом вдруг появилась эта странная идея навестить отца – все-таки спросить его, почему он так относился к ним с мамой?

Отец Вова легко согласился с ним встретиться. Погода стояла солнечная, даже появилось желание прогуляться по парку, рядом с которым они встретились. Вова приоделся. Илье подумал, что у него наверняка есть женщина, которая сумела так со вкусом подобрать одежду для этого старика, так что тот теперь смотрелся состоятельным и состоявшимся человеком. И Вова был собой доволен, кажется, даже отметил, что сын на нем несколько задержал свой взгляд, удивился... Дальше они решили прогуляться, потом, если будет желание, посидеть в кафе на берегу пруда.

-Я давно хотел спросить тебя, ты чего тогда лупил маму, потом избил меня? – просто так, без обиняков задал самый нелепый вопрос Илья.

Вова совершенно не смутился, будто ждал этого разговора. Отвечал сразу, потому что давно продумал этот ответ.

Он сказал:

-Я не оставил себе выбора.., - и зафиксировав удивление на лице своего сына, довольный пояснил, - потому что был молодой и был эгоистом. Просто, я хотел, как ты сейчас, прожить жизнь для себя. Я не собирался тебя рожать – это была идея **Зины** .

- Мама говорила мне, что залетела, - поспешил пояснить Илья.

-Да, она залетела. Но могла побережться, и потом, могла сделать аборт. В наше время аборт был естественным делом, как сейчас гомосексуализм...

Илья некоторое время помолчал, поморщил лоб и проговорил свои мысли вслух:

-Получается, что мама виновата, что ты ее бил?

-Ну нет, я не то имел ввиду. Она не виновата так, чтобы прямо. Просто она обманула меня, когда родила тебя, потом повесила тебя на меня, мне надо было зарабатывать для вас.

-Ага, лучше бы, чтобы она тогда уже умерла, - тихо произнес Илья, Вова сделал вид, что не услышал.

Илья замолчал, несколько раз посмотрел на отца: они шли подле друг друга, со стороны могли показаться отцом и сыном, которые встретились, чтобы о чем-то поговорить, или просто друзьями, один из которых был намного старше другого. И если бы сейчас Илья стал избивать старика, это со стороны показалось бы сенсационным происшествием. Наверняка кто-то стал бы на трубку снимать...

-Знаешь, отец, чего я сейчас подумал, нет, вспомнил? Я вспомнил того ублюдка, у которого выбивал свой долг. Он так же рассуждал – так же говорил. У него была такая же логика. Вот что бы он не говорил, как-то получалось ловко, что виноваты были все вокруг, кроме него. Он меня стал упрекать, что это я подверг его искушению присвоить деньги. Нет, он говорил это иначе, каким-то своим языком. Потрясающе! Ты такой же!

Вова вдруг сошел с тропы и направился в сторону пруда. Он остановился на краю, так что носки его туфель касались стоячей воды. Заложив руки за спину, он смотрел на другой берег и молчал. А когда заговорил, то голос его звучал тихо, потому Илья замер – он стоял рядом, чуть дальше, так что мог легко толкнуть отца в воду, хотя утопить в этой луже было бы сложно, пришлось бы приложить много усилий – заметили бы люди, да и сам Илья намочился бы. А еще хотелось послушать – что говорил Вова...

-Давно было. Мне уже исполнилось 16, пошел 17й..

-Ну понятное дело, когда исполняется шестнадцать, за ним следует семнадцатый год... - показал свое состояние Илья, на что отец его никак не отреагировал.

-...Мой отец, твой дед, тоже Илья, часто напивался и бил мать. Бил не так, как я, сильнее, так что мама иногда лежала подолгу. В деревне нравы и обычаи другие были. Его осуждали, конечно, но никто не вмешивался... Я когда подрос,

пару раз ответил ему – дал понять, чтобы меня не трогал. Он и не стал потом меня трогать. Маму бил, когда меня не было. Она терпела. Помню, лежит, охает, плачет... Меня стеснялась... Просила не осуждать отца, говорила, что он такой, потому что семья у них была такая – суровая... Мне было больно вначале, потом я стал на нее злиться, хотя, что она могла сделать? Наверное, злило то, что она ему все прощала. У нее вечно кто-то был виноват. У нас как - пьет мужик, баба виновата, друзья виноваты. Нет, чтобы сказать просто – козел он, скотина эгоистичная. Вот я ведь эгоистом был сильным, когда пил... Сейчас тоже могу запить, но не так, как прежде, конечно же... Так вот, как –то отец исчез. Не пришел день, два, а потом его нашли... Упал с оврага, стукнулся сильно головой об камень и умер. Вот и все. Все говорили, что его бог наказал, что жену лупил. А я все думал, что не бог наказал, иначе бы зла не было на земле, наказывай бог всякое злодеяние. А просто случай произошел. Допился и упал с обрыва. Он обычно напрямки шел.. Странно было, что так упал, что не по своему пути пошел в тот день, свернул немного. И надо же было ему упасть так удачно, чтобы головой точно о камень...

Вот тут Вова посмотрел на сына глазами чистыми, ясными, какие бывают у детей. И в отличии от детей, в глазах этих была еще и смешинка, какой-то даже задор. Не знай этого человека хорошо, можно было бы подумать, что он сумел пронести через всю жизнь способность оставаться в душе молодым, нет – по-детски непосредственным, открытым и даже добрым!

Илья отшатнулся, его охватил ужас. Было ли это безумием, или перед ним стоял опытный вершитель человеческих судеб? Почему он подумал вдруг, что отец решал свои проблемы с людьми просто и легко?

-Вообще, Илюша, мне в жизни везло на хороших людей! Меня всегда сопровождали хорошие люди. А если появлялась гнида, с ним непременно что-то случалось... Это сейчас в больших городах понатыкано столько камер, что можно уследить, заметить, как вершится суд над плохим человеком. А там, в глубинке, в лесу, в тайге, кроме бога – этого немого созерцателя, - никого нет. Вот и вершит свой суд случайность. Мне везло на случайности. Думаю, будет везти всегда... Но теперь такого везения не надо – я стал другим, и жизнь теперь не кажется вечной...

Глаза его потухли, он отвернулся и снова стал смотреть на другой берег – будто в смерть свою...

-Ты болен? – спросил Илья.

-Нет, совершенно здоров. Просто годы напоминают..

Илья помолчал еще немного, и не глядя на Вову, спросил:

-А ты к чему мне это все рассказал?

-Просто так, Илюша. Ты спросил, почему я вас бросил и ушел, я ответил, что... было бы хуже, если бы остался... Хотя, если быть точным, Зина ушла, а не я ее бросил... И знаешь что, я тебе вот что скажу... - вот тут он повернулся к нему всем корпусом и теперь смотрел уже иначе, как взрослый человек, даже можно было подумать, - с беспокойством. – Ты себя еще не узнал... Ведь не живешь с Ларисой, и по детям не тоскуешь. Ты из нашей породы, ты не в мать свою. Скоро себя начнешь узнавать. Тогда и звони, подскажу как быть...

И снова Илье стало плохо – холодно, как будто льда наелся и лед застрял в пищеводе, отчего похолодело рядом с сердцем, и в животе.

-И все-таки мерзкий ты тип, папа... - вычурно произнеся последнее слово, Илья отступил от отца, чтобы резко отвернуться от него и уйти прочь. Ноги несли его сами и он думал, уверял себя, что больше никогда не встретится с этим человеком.

Отец смотрел ему вслед и глаза его постепенно приобретали то самое выражение, которое бывает у людей в минуты отчаянных желаний, когда хочется спрессовать время настолько, чтобы исполнение одного какого-то главного желание произошло тут же, как по собственной воле. Наверное, только власть дает такие возможности, чтобы без торга и обязательств можно было иметь и не иметь, быть и казаться, чтобы только не прозябать в сплошных ожиданиях. Не было у него власти над сыном, как не был сын одним из тех, кого может забрать... несчастный случай.

После больницы и трезвых дней Лика почувствовала себя несуразной и беспомощной, снова потянуло к матери. Она напросилась на встречу. Хотя, сложности в этом не было - достаточно купить бутылку водки, чтобы дверь в преисподнюю распахнулась настезь.

Говорить много, описывать это существо, каким была ее мать, - дело сложное из-за большого количества отвратительных чувств: такие люди жили во все времена, и именно в женском облики они становились ужасными особенно, как если бы Кронос стал женщиной, а Лилит – первая жена Адама, назвалась **Мариной**. Мариной звалась мать Лики, проживала отдельно и не разрешала дочери появляться дома, потому что у самой часто бывали гости. Кем-то где-то она работала, кем-то подрабатывала, раз водились деньги на водку, но в основном пила, и странное дело, организм этого существа был настолько устойчив даже к суррогатному спирту, что в свои 45 она и выглядела на 45, разве что без следов ботокса и подтяжек лица... Естественной была одутловатость, дряблость кожи, и неестественными для такого образа жизни подтянутость фигуры и ноги не как у курицы. Да, голос был грубым, низким, потому что она не переставала курить, и в глазах светилось столько блеска от этого коктейля из жизненной энергии и злости, что, казалось, если однажды ненароком высвободится сила ее души наружу, в городе будет объявлено чрезвычайное положение. Мало кто видел, как она спит, - разве что из мужиков, которые оставались с ней на ночь. И с соседями она лаялась, как дог с тузиками; с участковым ментом зналась, дела у них были свои – мент видел ее всегда пьяной, но никогда не сомневался в ее памяти и рассудке.

Лика очень тянулась к матери, особенно когда становилось плохо от водки, от запоев, от мужчин. В этот раз стало плохо от выкидыша. Случилось это с ней в первый и в последний раз, потому что врач что-то там про осложнения говорил и

возможных последствиях, отчего матерью она сможет стать только по случайному стечению обстоятельств, или иначе – только чудесным образом! Это как раз меньше всего волновало Лику, даже мысль крамольная пробежала, что у таких тварей, как она и ее мать, детей вообще не должно быть, чтобы кто-то еще так же не страдал, обрекая себя на такое гнусное существование. Впрочем, мысль эта жила в ней несколько минут, затем появилось сильное желание выпить и поговорить с мамой – ей хотелось сильно сочувствия и ласки – материнской ласки. В жизни не чувствовала прикосновения руки матери с нежностью, зато знала силу удара ее кулака, и все равно продолжала фантазировать о каких-то нежных чувствах к себе. Раньше она мечтала убить мать – просто перерезать ей глотку, потом поймала себя на мысли, что мечта изменила вектор направленности – она стала видеть себя жертвой этого акта насилия – это мать протыкала ее грудь ножом, а она, издыхая, дожидалась от матери восклицания, типа, "прости меня, доченька...".

Когда пришла в этот раз, - сразу после больницы, - мать открыла дверь, всмотрелась в дочь, отвернулась и ушла в комнату. Недовольство на лице было ее основным выражением – основным проявлением личности. Марина всегда и всем была недовольна, даже когда еще не могла достойно называться алкоголичкой; эту манеру самовыражения она почерпнула от своей матери, от бабки, потому что с раннего детства, еще с деревенской жизни поняла, что только таким образом можно принуждать мужика априори чувствовать себя виноватым, только так можно было запросто диктовать свои претензии, чтобы благодарить скупое, когда мужик лез из кожи и, повинувшись основному инстинкту, что-то такое совершал с нею... Поначалу то были пацаны, потом, в жизни городской, много пацанов. Они лихо крутила парнями, взрослыми мужиками, работала на фабрике, с лотка продавала "китай"; были у нее даже оборотные деньги, были поставщики и было много денег, настолько, что умудрилась из общаги переехать в однокомнатную квартиру. Вот тогда и понеслась жизнь – она имела кров над головой! И жажда жизни прижимала к постели, как кошку давит инстинкт, требуя драть глотку, взъерошивая шерсть и ставя ее дыбом, а котов бросая в когти и зубы друг друга, валяя по земле клубком, пугая всех вокруг дикими криками. Сколько мужиков передралось из-за нее, сколько раз ее обещали прикончить, и ведь никто так и не смог исполнить своего обещания, потому что, похоже, не только ментура ее берегла как классную осведомительницу, но и силы высшие хлопотали за нее, все уберегая для какой-то должно быть миссии важной, как вирус берегут для регулирования какой-нибудь популяции какого-нибудь вида животных, а иного меченного потому, что за него кто-то молится сильно, или помолился когда-то, да так, что на всю жизнь хватило. Кто знает, почему Марина дожила до своих лет, несмотря на то, что так и оставалась должной многим непростым людям, что совершила много гнусностей, отправила достойных и невинных на нары, иногда в пьяном угаре и на нож шла, дралась как мужик... Все-таки, что-то же было в этой женщине, если дочь ее так льнула к ней. Разве только из-за сотворенного в воображении образа матери, или из-за голода по любви родительской, или являясь копией своей матери, она получилась неудачно и вместо холодного сердца ей в грудь поместили детское, все еще трепещущее по

любви и ласке? Нет, то был такой же инстинкт, только направленный к матери, как у матери, - направленный к мужчинам. У матери не было мужчин и большим количеством партнеров она компенсировала эту нехватку на протяжении всей жизни, а у Лики не было матери, зато с раннего, очень раннего возраста было огромное количество мужчин – с подачи матери позабавиться молодым телом за хорошие деньги мог каждый, кто имел эти деньги и кто знал о такой услуге на седьмом этаже. В начале нулевых жизнь мало чем отличалась от девяностых, впрочем, как и сейчас. Продавалось все, что имело спрос, а на порок и подлость спрос не угасает вовсе ни в какие времена. Этот бизнес Марины угас, потому что Маша подросла и стала Ликой – уже просто Ликой, каких было много; и выучилась на менеджера..., чего мать не ожидала совсем. Тогда Маша-Лика еще умела мечтать, а голова у нее была светлой, память цепкой; жажда стать человеком и доказать матери, что она лучше ее, что достойна любви ее...

В квартире стоял затхлый запах, что было всегда, сколько себя помнила Лика. Запах сигаретного дыма вперемешку а перегаром и создавали тот "аромат", от колотого скоро очень начинало ломить в висках, если вовремя самой не "принять на грудь". Глядя на мать, Лика поняла, что пьет она давно, а что деньги кончились, – в этом не оставалось сомнения, когда на столе она увидела бутылку дешевого пойла. Тут же, при этой бутылке, упершись локтями в стол, восседал здоровенный, но худой, спившийся, но, скорее всего жилистый, мужик с мордой редкостного подонка. Именно таких мать Лики выбирала всегда, от грубой силы приходила в восторг, и потом, ей нужны были сильные самцы, а не просто бухари-собеседники. Таких кобелей она могла принять за раз хоть целый взвод, был бы только этот взвод, потому что в своей похоти была ненасытной, как больная булимией может быть ненасытной в еде...

-Ты Машка? – спросил мужик.

-А ты кто? – отвечала Лика.

-Я Федор! Хм, а вот скажи мне, Машка, ты чего мать не навещаешь совсем?..

Ей ведь внимание нужно!

Лика делала вид, что не обращает на него внимания, даже принялась убирать со стола лишнее, хотела пойти на кухню... Мать остановила ее, спросила, принесла ли выпить? Из объемной, вместительной сумки Лика достала две бутылки водки, немного закуски... Этому обрадовался Федор, он встал, принял все в свои руки, тут и Марина всерьез отнеслась к состоянию стола, даже решила убрать немного...

Одним словом, Лика вписалась в попойку быстро, естественно, умело... Надо было поскорее заткнуть ноющую боль в сердце, надо было остановить мыслительный процесс в голове, казалось даже, что было лучше просто сдохнуть, лишь бы прекратить это коловращение жизни!

...Илья и подумать не мог, что из больницы Лика поедет к матери. Она исчезла, он прождал ее целый вечер, потом звонил тем подругам, которых знал. Для всех она пропала, телефон был вне зоны, по справочной больницы сказали, что она выписана, когда он приехал в больницу, подтвердили, что выписана – молодая женщина говорила с ухмылкой, заглядывая в его глаза как будто исподтишка, воровато, так что стоило ему чуть задержаться на ней, она тут же

отворачивалась. Это, наверное, и взбесило его. Почему-то он скоро перестал думать плохо и волноваться – понял вдруг, что она просто так ушла в запой, забурилась у кого-то и пропадет теперь на неделю, не меньше.

Пропала она на две недели – ровно настолько, пока не кончились деньги на ее карточке. Эта троица, которая скоро обросла компанией пришлых, пропила солидную сумму. Само собой пришла идея использовать Илью. Мамина дочь рассказала про их отношения, - сказала все, что знала про Илью, еще прибавила, что он очень богат, что коронован в тюрьме, на что алкаш Федор высказал крайние сомнения; так или иначе решили раскрутить ухажера и несостоявшегося отца.

-...Илюша, миленький, меня мама со своим мужиком приковали к паровому отоплению, не дают уйти... Нужны им деньги, понимаешь?! Сумма небольшая... - плакала она в трубку. – Они разрешили включить трубку и позвонить. Они отобрали у меня карточку и пропили ее всю, теперь отпустят, если я откуплюсь, понимаешь?! Я влипла по самые помидоры!

-Да нет у тебя никаких помидоров! – автоматически и вслух отметил Илья, сам того не замечая, что завелся не на шутку, что готов убивать и грызть глотки каждому, кто обижает его Лику.

Сумму выкупа Лика назвала. Он снял со счета деньги и поехал по адресу.

...Дверь долго не открывали, даже после третьего звонка тишина за дверью продолжала держаться, как звон в его ушах, как продолжало биться учащенно его сердце. Вскоре он услышал шаги, которые зазвучали откуда-то из глубины квартиры; понимал, даже представлял, как человек, прижавшись к глазку, наблюдает за ним. Потом был слышен шепот, да не одного человека. То были женские голоса, как ему показалось. А мужчина шептать не мог, потому срывался на бас.

Дверь открылась. Сразу пахнуло в нос тем отвратительным смрадом, который царит в квартирах алкоголиков. За дверью пряталась, будто даже стесняясь своей внешности, судя по всему, мать Лики. Эта женщина все еще была стройной, даже грудь сохранила свои формы, и даже лицо, если дать женщине выспаться, протрезветь и отмыться, могло иметь презентабельный вид; с ней можно было бы сходить в театр, не разрешая только улыбаться и говорить вслух свои мысли – судя по манере говорить, практически не раскрывая рот, по сдержанности голоса, у нее не оставалась здоровых передних зубов, и голос легко срывался с хриплого на басистый, каким он становится у старых алкоголичек. Впрочем, спустя пару минут Илья сообразил, что только в полумраке прихожей она имела человеческий вид; как только зашли под освещение комнаты, она превратилась в монстра; и платье на ней было настолько старым и заляпанным, что можно было бы предположить, что сюда на посиделки зашла бомжиха. В следующую минуту он смотрел на Лику. Она имела вид изнуренного человека, она разыгрывала из себя мученицу, смотрела на него жалостливо, хоть и с явной театральностью, как если бы все тут играли в какую-то пошлую игру, готовясь к групповому сексу.

-Вот, мы тут ее удерживаем, пока ты за нее не заплатишь выкуп! Пока не женишься на ней! Знаешь, если платят выкуп, то женятся! – пьяно заговорил верзила и поднялся во весь рост.

Конечно, это был Федор и он оказался выше Ильи на голову, шире в плечах. Еще Илья заметил, насколько огромными были у него руки. Он знал такие руки. Знал, что из такой клешни надо поскорее выскользнуть, поскольку эти люди часто не соизмеряют свою силу с прочностью чужого скелета, а потому в пожатии могут разломать косточки ладони. Эту клешню тянул к Илье Федор, намереваясь поздороваться за руку. Илья сделал вид, что не заметил жеста, отвернулся к Лике.

-Ну что, принес деньги? – спросила мать Лики.

-Да, - Илья вытащил из кармана куртки пачку денег, положил на стол.

Мать Лики тут же схватила деньги и ушла в другую комнату. Лика легко освободила руку, которую якобы привязали к радиатору парового отопления, встала на ноги, подошла к нему и обняла. От нее пахло отвратительно!

-Мы пойдём..., - в голосе Ильи зазвучал страх, он сам этому удивился...

Вообще, после отсидки, его интуиция настолько обострилась, что он мог бы работать ясновидящим. Вот только он не пробовал это делать в отношении других людей, - только про себя чувствовал вперед, причем очень точно. Даже когда вел машину, уже не удивлялся, что видел наперед другую машину за слепым поворотом, знал точно, как поступит другой водитель и потому избегал острых моментов при движении. Вот сейчас, например, он почувствовал, что вся глупость, несуразица момента, этой сцены, для него могут закончиться очень плохо – плохо, очень плохо, настолько, что дальше жизнь не просматривалась вовсе. Он взволновался сильнее, чем мог представить, сердце его забилося так, что будь он постарше, не будь таким крепким и здоровым молодым человеком, это сердце хватил бы инфаркт.

Он прижимал к себе податливое тело Лики и отступал к выходу. Вот тут все и закрутилось, завертелось. Федор сразу перекрыл ему путь, потребовал:

-Ты, падла. Сейчас свалишь и к ментам?!! Нет, сука, ты выпьешь с нами!

-Налей ему стакан! – потребовала мать Лики. – Вот тот большой, ну да, чашку.

Среди мусора на столе, грязи в форме тарелок и остатков еды Илья тоже заметил чашку. В нее Федор налил из бутылки с отсутствующей этикеткой прозрачной жидкости по самый верх, сказал:

-Пей!

Илья выпил, как зачарованный... Он переживал страх, который рождается в теле зверя, если он оказывается перед хищником. Наверное, олененок то же испытывает, оказавшись перед тигром, или кем-то из породы кошачьих... Или кролик перед разинутой пастью удава... Одним словом, стоит человеку буквально оказаться в ряду пищевой цепочки, которая создана Природой, как он начинает испытывать вот этот вот страх...

Да, еще на войне или в жизни так бывает, когда на тебя наставлен ствол и ты смотришь попеременно то в дырку этого ствола, то в глаза того человека, который решает сейчас твою судьбу.

-Во, молодец! – сказал Федор, однако не изменившись в лице в сторону благодного выражения.

Вообще, такие как Федор редко отказываются от возможности кого-то сломать; они мирятся с участью быть убитыми или покалеченными, принимают судьбу мученика, если удастся их самих ломать долго, но только не побежденного – им невдомек уже, что первично, а что последовало после, им важно устоять, победить, и не иначе! Потому что иначе не бывает, как не бывало никогда прежде... Таких любо убивают, либо от них убегают...

А Илья понял, что участь его будет предрешена, согласись он еще на один стакан водки. Потому что Федор вел его на бойню, предварительно накачивая анестетиком..

Вот и решился Илья на подвиг. Когда Федор попытался его схватить за плечи, Илья ударил его в пах. Дальше подумал на мгновение, что предвидя этот ход, Федор за рубашку заложил что-то очень твердое – во всяком случае эффекта от такого удара не последовало, хотя других нормальных людей Илья сшибал с ног. Следующую попытку завалить этого железного человека Илья направил в висок гиганта. Удар получился точным, сильным. Потом в челюсть боковой, который должен был сломать челюсть; потом еще один – в нос! Последний не дошел – Федор отринул назад. Заступая за стол, решил прижать Илью к стенке. Лица в этот момент отскочила в сторону и просто исчезла.

Илья полез под стол и вывернулся сзади Федора, убежал за матерью Лику, которая метнулась, судя по всему, на кухню. Там она взяла в руки нож, а Илья легко – ловким приемом отбил у нее этот большой столовый нож, ударил ее ногой так, что она там и притихла, затем, уже с этим оружием, налетел на Федора. Федор каким-то образом увернулся и Илья снова прорвался в комнату. Надо было запереть всех в ванной, в туалете. Когда Федор ринулся на него, Илья ловко полоснул его по шее, но... не там, где надо – артерия не была задета. Однако же кровь стала заливать Федора, Федор испугался.

- В ванную, быстро! Порежу, суки, на хрен! – процедил он сквозь зубы; он и на Лику посмотрел.

Федор с Ликой завалились в ванную. Дверь закрывалась на шпингалет. Илья подумал, что Федор, конечно же, выбьет дверь, но не сразу. Зашел на кухню. На полу лежала мать Лику. Метнулся в прихожую – дверь оказалась запертой на ключ... Где ключи? Вернулся к матери Лику – в карманах ее одежды ключей не было...

А Федор начал выбивать дверь. Появилась мысль прирезать вначале мать, потом, когда вырвется, Федора, ну а там и Лику. Потом быстро понял, что Лику не сможет... И все-таки, какое-то время – может чуть меньше вечности, - он стоял над старой алкоголичкой, которая тяжело и часто дышала, которая описалась, и боролся с невероятно сильным, истомным и терпким, захватывающим всю душу желанием перерезать ей глотку, как делают в праздник с овцой, чтобы затем начать вакханалию убийств, чтобы долго терзать Федора, а потом... и Лику... Это было так желанно, он вдруг вспомнил отца, последний разговор с ним... И увидел отца – тот, совсем реальный, стоял перед ним, только немного в другом

пространстве, в окружении другого интерьера, что ли, и говорил в этой своей спокойно манере, с лукавой улыбочкой:

-Нет, не делай этого. Ты потом будешь очень сожалеть, что потерял возможность смаковать... это чувство...

Илья не все понял из слов отца, но в следующее мгновение он вымыл нож под краном, обтер его полотенцем и выкинул за шкаф. Затем ушел на балкон.

Пару секунд смотрел вниз, а затем кто-то уверенно повел его к спасению – он перелез на другую сторону балкона и повис на руках, держась за выступ на уровне пола балкона. Теперь он видел в окне лоджии соседа внизу спасительное местечко, куда мог пролезть, разбив верхнее стекло над перекладиной. Так и сделал – ударил пару раз ногами и ноги оказались во внутренней стороне. Тут он отпустил руки, или, вполне вероятно, они соскочили с выступа и он повис вниз головой, удерживаясь за крепкую перекладину согнутыми в коленях ногами. Дальше надо было только подтянуться, чтобы ухватиться рукой за раму и соскользнуть всем телом на пол лоджии...

Когда встал на ноги, на него смотрела пожилая чета.

-Я сверху, - сказал он.

-Да, мы поняли, - отвечал мужчина.

-Я вам все починю, не волнуйтесь только. Я пришлю людей и они все починят. Проведите меня к двери, пожалуйста.

-Да, конечно, проходите. Не беспокойтесь, пожалуйста, я все сам починю, - говорил дед, но Илья его не слушал, потому что знал, что непременно отправит людей, и если надо, вообще поставит им новые стеклопакеты...

-Я вам новые стеклопакеты поставлю, - сказал напоследок.

-А что, мы будем только благодарны! – отвечала вместо деда старушка.

Илья подумал, что интеллигентные люди лучше быдла, и сбежал по лестнице вниз. В голове звучали слова благодарности и клятва, что он непременно поставит эти стеклопакеты – самые качественные, самые дорогие!

Эту клятву он исполнил через неделю – приехала бригада, заменила все окна в квартире на стеклопакеты. Хозяйева через рабочих просили передать Илье, чтобы он заходил в гости – их дверь всегда открыта для него!

С этого дня прошло больше недели, они с Ликой не встречались. Он звонил ей несколько раз, она не отвечала; он ожидал осложнений с милицией, но никаких обращений к нему со стороны органов не последовало. Он нервничал от неопределенности, переехал жить в свою квартиру, даже случилось так, что волнение, захлестнувшее его чрезмерно, однажды воплотилось в любовный акт с Ларисой, что вызвало у нее единственное чувство – недоумение и в какой-то степени отвращение, хотя и не настолько, чтобы оттолкнуть его..

Еще часто стал звонить отец, договариваться о следующей поставке. Хоть Илья и чурался его, морщился при виде его имени на экране трубки, все же не

грубил, резко не прекращал разговор, как бывало раньше. Жизнь как будто возвращалась в спокойное русло, бесы соблазна и глупости отвлеклись от него, как он думал. Если вспоминал Лику, то пытался сообразить, что именно в ней могло его так привлекать? Сексуальное разнообразие будоражило поначалу, оно было уместным особенно, когда он напивался. Разгул, который происходил в остальные дни, когда они пили беспробудно, превращал каждый час в несколько минут, день – в несколько часов; и свет тускнел сильно, зато ярче возгоралось раздражение – он иной раз смотрел на нее пристально, удивляясь вновь появившемуся чувству, похожему на щемящее душу другое чувство, которое возникает у человека, когда он стоит над пропастью или держит в руках пистолет, ясно осознав вдруг, что может прекратить свою жизнь, избавиться от бремени своих страстей, от череды несурезицы, в которую иногда превращаются все его поступки, от всего того, что ему видится в отвратительном свете, или кажется отвратительным, - тут уже не важно, что есть на самом деле, важно, что мучает, отчего так часто охватывает нестерпимая тоска... А Лика болтала всякую чушь, была пьяной, шутила и орала со своей подругой, потом ее несло в разврат, который и исполнить толком она не могла, все больше уподобляясь своей матери...

Однажды она позвонила. По голосу и по манере разговора он понял быстро, что все это время она была в запое. Деньги кончились и она вспоминала про него. Заговорила о чувствах...

Он подъехал к месту встречи. Увидел ее издалека – она казалась жалкой, лицо покраснело, шальные глаза рыскали как у вора, которого накрыли на месте. Она села в машину и обдала его перегаром – сильным, тошнотворным. Потянулась к нему, но наткнулась на локоть.

-Ты меня не любишь уже? – искренне удивилась.

-Этот твой мужик не сдох?

-Он мамкин... Нет, Сказали, что открывали шампанское... Потом заплатили. В травмпункте много вопросов не задавали. . Но шрам будет видный...

-Повезло ему, - для себя самого констатировал Илья, подразумевая, что ему самому повезло, потому что иначе был бы рецидив и на этот раз присел бы он надолго.

-Поехали, я соскучилась... - сказала Лика.

-Я тебя отвезу в квартиру, - отвечал он спокойно, - ты там отмокай, а то ведь блевану на тебя. Ты смердишь какдохлая кошка...

Лику аж передернуло! Она вперилась в него и молчала некоторое время, смотрела, как он управляет машиной. Наверное подумала, что если поругаться сейчас с этой сволочью, то не будет вечерней попойки, не будет денег, не будет радости...

-Ну зачем ты так!

-Как, Лика?! Ты подставила меня! Прикинулась, что тебя удерживают насильно... Тебе не интересно узнать, куда я делся?

-Ушел, - легко отвечала она, - ты ушел домой. Я смотрела с балкона, тебя внизу не было. Если бы ты упал, я бы увидела тебя внизу. Я даже сама перелезла через балкон и постояла немного. Мы хотелось покончить с собой!

-Как же я ушел, если дверь была закрыта?! – спросил он ее, вспомнив о поговорке, что простота хуже воровства.

Он посмотрел на нее внимательно, понял, что она расположена врать, только врать.

-Ну, как-то ушел. Какая разница, важно, что все обошлось...

И вдруг гнев сменился очень странным и легким чувством освобождения. Чувство превратилось в мысль, мысль – в решимость, хотя, смысла в этом он еще не видел. Росло только отвращение. Как-то сложно в нем формировалось новое чувство, новое пристрастие. Главное, он знал теперь, что обратного хода нет! И радовался!

-Сука! – сказал тихо, но она услышала.

Наотмашь ударил ее по лицу. Она притихла, прикрыла лицо руками.

Илья понял еще одну истину, что били ее часто, что для нее это привычный эпизод в отношениях с людьми. Она будет терпеть ради вечернего удовольствия...

Ехали какое-то время молча, потом он сказал спокойно:

-Ты поднимешься в квартиру и приведешь себя в порядок. Я приеду через пару часов, куплю водки, вина, закуски Можешь пригласить Лану... Погуляем.

Лица отняла ладони от лица, крови не было, зато на скуле формировался добротный синяк. Она заулыбалась, посмотрела на него как-то шально, будто с решимостью на отчаянный шаг, сказала:

-Илюшенька, прости меня, подлую! Мы тебя сегодня залижем, заласкаем так, что ты все забудешь. Ланка тебя очень любит, но не больше меня...

Он ничего не ответил, но ему льстило быть в роли крёза.

-А куда же вы денетесь! – сказал, не глядя в ее сторону.

Вечером все началось с большой радости! Лана, где-то уже "подзаправившись", визжала от восторга. Она вспоминала что-то смешное и рассказывала им, сплетничала про кого-то, кого знала только Лица, но даже Илье было интересно, иногда смешно.

Накрыли на стол, откупорили бутылки и пошло-поехало! Очнулся он от настойчивого звонка. Все повторялось – это был отец.

-Ооо! Слышу-слышу, по голосу слышу, что ты давно не выходил в свет... ты давай заканчивай. Клиент на подходе.

Илья что-то буркнул в ответ, дал отбой, стал набирать номер Сергея. Кажется, тот тоже не очень ображался, какое время суток – они оба сверились по показаниям на экранах телефонов, а Илья даже встал с постели и подошел к окну – отметил, что налицо все признаки раннего утра – мало шума, мало машин, мало людей и прохладно, если открыть окно и вздохнуть...

Дело в том, что за новой порцией спиртного и за закуской бегали девчонки. Они вообще казались непотопляемыми – он просыпался, они сидели и ходили, все о чем-то разговаривая и хихикая, он выключался между их телами, придавленный ими, обласканный и обслюнявленный, чувствуя себя новым воплощением фараона, хана, или кого там еще, из тех, что могли позволить себе полное исполнение любой своей фантазии...

А сейчас девушки лежали на кровати, под одеялом. Они спали с видом исполнивших свой долг монахинь... Лица были спокойными, умиротворенными, даже немного по-детски милыми.. Тут он почувствовал себя заботливым отцом семейства, неуклюже поправил одеяла, смутился своему порыву, ушел на кухню.

С Сергеем договорились о встрече. Он смотрелся помятым, и непонятно было, пил он или еще как-то иначе отдыхал – от него не пахло, и выглядел он больше уставшим и рассеянным, чем под кайфом... Во всяком случае, соображал хорошо. Они договорились, что на этот раз пойдут на риск и дадут товара побольше, в расчете, что даже если отец Вова кинет их, ощутимых потерь не будет.

Сделку контролировали вдвоем. Коробки перегружали из одной фуры в другую, они сидели в машине Сергея чуть поодаль, лениво рассказывали друг другу, кто как отдохнул. Оказалось, что Сергей ездил в Амстердам и так там оторвался, что до сих пор еще не может прийти в себя. Даже намеревается пройти сеанс по "очистке крови от токсинов, или типа того"... При этом он обещал себе ли, может самому господу богу, что больше так делать не будет. Потом к ним в машину сел Вова, когда перегрузка была завершена и машины разъехались. Они отъехали далеко от этого места, посчитали деньги, которые из сумки выдал им Вова – вернее, посчитали пачки, доверяя Вова. Тот клялся, что остаток довезет к следующей поставке. Украдкой переглянувшись, Илья с Сергеем охотно согласились, чуть искривив губы. Потому что в следующий раз, который наступил через неделю, они подготовили две машины – одну фуру на полную стоимость сделки за минусом невыплаченных Вова денег, другой грузовичок с довозом (грузовик стоял неподалеку, за гаражами), на случай, если Вова придет с деньгами за прошлую сделку. Естественно, Вова пришел без денег, и когда количество коробок не соответствовало ровно на ту сумму, на которую он задолжал, ему пришлось клясться, что он завтра расплатится. Вот тут Илью понесло!

Нет, он никогда не думал про себя, что на такое способен и с отцом. О его вспыльчивости знал Сергей, но тоже не ожидал, что в отношении отца Сергей может быть одинаково... требовательным, как к любому должнику, авантюристу. Они оба понимали, в какую скучную игру начал играть Вова, оба знали, что к сотрудничеству с доверием они по нынешней своей природе не способны, не сомневались, что этот Вова – призрак прохвоста, скончавшегося в девяностые, призрак, который способен приносить реальные деньги. Благодаря этому призраку цеха работали на полную мощность, даже с привлечением дополнительных людских ресурсов. Призрак не мог нанести им финансовый ущерб, и вскрывшаяся прямо сейчас его ложь "купировалась" элементарно – в худшем случае пинком под зад, в лучшем, - хорошей затрещиной. И вдруг Илья схватил отца за шкуру и стал трясти:

-Ты, сука старая, и тут без обмана никак не можешь?!!

Вова бляял как овца, однако постепенно глаза его свирепели. Вскоре, выскочив из машины, они оба сошлись в махаче, но Илья имел лучшую реакцию, лучший удар. После двух хороших попаданий в скулу и под дых Вова, он рухнул. Наверное, не вмешайся в этот диалог поколений Сергей, Илья забил бы отца...

Они стояли и смотрели, как тяжело встает на ноги пожилой мужчина: оба отметили, что он, все-таки, был еще крепким, а проиграл только из-за большей сноровистости Ильи.

-Ты, сынок, скоро поймешь, что зря это сделал... - сказал отец с злобной ухмылкой, взглядом словно искры метая в Илью; казалось, глаза были неестественными, будто с металлическим блеском.

-Ты еще меня вспомнишь! – и поковылял прочь.

-Когда будешь готов к следующей сделке, привезешь деньги вперед, - спокойно сказал Илья.

-Илюша, грешно отца бить... - просто констатировал Сергей. - прогнал бы его, и все на этом.

-Да хрен его знает, чего меня понесло? – откровенно отвечал Илья. – Парни отследили, с кем он трется? кто заказчик?

-Да, я же тебе написал...

Илья прокрутил смски в своей трубке, нашел нужную, прочитал.

-Извини, бухал. Наверняка прочитал...

-Я подумал, ты потому и попёр его, что знаешь.

-Когда поедем к ним знакомиться? – поменял тему Илья.

-Давай дня через два... В четверг.

-Хорошо.

Когда разошлись с Сергеем, Илья поехал к девушкам. Думал, что быстро забудет про инцидент с отцом, но тут вдруг стали происходить странные превращения в его воображении: он снова и снова видел эпизод сокрушения идола зла, - исполнения давнишней своей мечты. Все произошло так неожиданно и так легко, так сладостно стало на сердце и вместе с тем досадливо. Хотелось одновременно напевать веселую песенку и плакать – ком то и дело подступал к горлу, так что у самого дома, у подъезда, сидя в машине, он утирался от слез, нашептывал слово "сука", сжимал обод руля и успокоился так же легко и внезапно; особенно обрадовала мысль, что сейчас он может оказаться в обществе легких женщин, что будет обласкан.

Девчонки обрадовались ему, вместе накинулись, стали целовать, дескать, давно тебя не было, соскучились. Он строил из себя усталого отца семейства, впрочем, всего пару минут, затем почувствовал сильное желание выпить. На столе – на кухне – стояла открытая бутылка, все вокруг было вычищено, выглядело опрятным – они будто читали его мысли, поняли, что он будет злиться, если обнаружит раскардаш.

Демонстративно, долго наполняя стакан водкой, он молча опорожнил его в три глотка. Девушки переглянулись.

Достал из кармана приготовленную заранее для гульбы пачку денег, кинул на стол:

-Будем гулять, будем жить всюю! – сказал, попеременно глядя на них.

Они взвизгнули, стали обнимать его...

Потом он набрал номер телефона жены, назначил ей встречу недалеко отсюда.

-Приезжай, я деньги передам...

Лариса приехала. Выглядела хорошо, отдохнувшей, что ли. Он подумал, что правильно, что не живет с ней. Или он успокоится окончательно, или им все еще надо оставаться на расстоянии – на удивление хорошо работала голова, мысли были ясными. Он передал Ларисе пачки денег, затем взял ее за плечи, - будто прощался, - сказал в глаза:

-Ты прости меня за все. Пока нам лучше пожить вдали друг от друга, вернее, тебе лучше быть подальше от меня. Я как откинулся, все не приду в себя... И не говори ничего. Я очень хочу, чтобы все вернулось ко мне...

Он хотел сказать, чтобы любовь вернулась, но язык не повернулся. Он смотрел на нее и удивлялся своим новым чувствам к ней. Подумал, что почему-то природа или еще кто-то там очень сложно все устроили в человеке, из-за этого рассердился очень! А Ларису поцеловал в щеку – ближе к губам и пошел прочь. Услышал в спину: "Мы тебя ждем.." Не оборачиваясь, махнул рукой, и тут же прозвучал голос внутренний, который заключил весь ход его мыслей в изречение: "Конечно, будешь ждать, когда такие деньги дадут!"

Илья пил третью неделю. Иногда казалось, что в его голове завелись черви и это они выдавали себя за мысли. Эти мысли были совершенно одинаковыми, не имели значения, но имели содержание, постичь которое можно было запросто, а вот сказать словом, - никак. И только одно странное чувство осознавалось сквозь туман безвременья, в котором он пребывал, что вся эта история, эта новая жизнь после отсидки движется к завершению. Потому что не может существовать такая бессмыслица всю жизнь, если жизнь эта не короткая; если она длинная, то будут перемены.. Значит, как-то соображал он, если сам не хочешь мириться с таким существованием, оно однажды должно закончиться. Неужели кроме этого, что сейчас с ним происходит, он не мог помечтать о другом? Или это другое прежде появилось и исчерпало себя – он построил семью, обзавелся детьми, купил квартиру. Ну все же было в этой жизни, теперь есть и всякое воплощение любой тайной мечты, любого распутства. Он не признавал наркотики, - это почему-то претило всему его существу. Стало быть, следует пожелать другого, кроме завершающегося увлечения условной вольготностью и безусловным распутством. Ведь что-то же щекотало нервы, почему-то все чаще приходило воспоминание о том дне, о том случае, когда он выбивал деньги...

Вова звонил несколько дней подряд, делал это настойчиво: видать знал, что однажды Илья ответит, раз не занес его номер в черный список.

Он взял трубку, услышал голос отца, но сам молчал.

-Сынок, послушай меня, ты извини меня, ты не правильно понял меня, я не хотел вас кинуть, просто так совпало...

-Чего тебе надо?! – перебил его Илья.

-Я просто хотел вас предупредить... Вы вышли напрямую на тех, с кем я работал. Будьте осторожны, они непростые ребята...

-Так ведь и мы лыком не шиты.

-Я знаю, просто жаль, что так получилось, что ты поторопился...

-Отец, я тебе благодарен, что ты мне еще раз напомнил о себе. Я больше не сомневаюсь, что иметь с тобой что-то общее, вообще общаться с тобой – дело вредное, даже опасное. Поэтому предлагаю тебе по-хорошему: вали отсюда подальше, в другой город, лучше – в другую страну. А будешь соваться в мою жизнь, - завалю. Это у нас наследственное – заваливать отцов. Разве не так?

Вова молчал. Илья глянул на экран трубки – не произошло ли разъединение? Нет, связь сохранялась. Надо бы дать отбой, но хотелось что-то услышать от отца... И он услышал:

-Сынок, от всей души я тебя проклиная! Ни дна тебе, ни покрывки! Ты меня еще вспомнишь... - вот последние слова он сказал каким-то гробовым голосом – так бывает, когда на естественный тембр человека накладывают фильтр пониженного тона.

Последовало разъединение. Илья похолодел. Хотя и была уверенность, что теперь уж точно с ним ничего произойти не может, он все-таки признался себе, что пережил испуг, как во сне случается, перед самым пробуждением. А потом, кажется, быстро позабыл об этом происшествии...

Шли дни, похожие друга на друга, как и они втроем теперь были похожи друг на друга – он, Лика, Лана. Ели сытно, спали вольготно, ездили по тусовкам, непременно напивались, но завершающий аккорд делали дома, пока однажды Лана не исчезла. Вот так просто отошла с парнем, потом позвонила, что не придет ночевать, извинилась, сказала, что ей было хорошо с ними. Остались они с Ликой вдвоем. И заскучали...

Илью стала раздражать ее привычка запирается в туалете – теперь она это делала каждый вечер - брала с собой в туалет бокал вина, сигареты и непременный айфон. Дальше все катилось как по снежной горке – она напивалась, переписывалась с кем-то очередным, который должен был вскоре сменить Илью, хихикала, иногда про себя, иногда в разговоре. Он в это время сидел на кухне, пялился в телевизор, понимал всю бессмысленность своего существования, оттого больше пил и накачивал себя коктейлем из злобы и отвращения к себе, ненависти к Лике и снова к себе. Станным было то обстоятельство, что он никак не мог прекратить этот образ жизни; понимал хорошо, что и она была бы рада "на время пожить отдельно", однако вот так вот вдруг в голове застряла мысль, что после него она будет счастливее, чем с ним. Вот это он совсем не хотел принимать, напротив, возмущался и постепенно стал нетерпимым к любому проявлению самостоятельности со стороны Лики. Самостоятельностью он назвал бы привычку прятаться от него в туалете; она, обученная жизнью, предчувствовала, что их связь так просто не закончится, хотя и подобного в ее жизни не было пока – как много раз падавший мордой в грязь, человек будет бояться высоты, с которой падение обещает быть болезненным, а не иметь одни лишь грязные "последствия" и пару синяков. На что она рассчитывала, Лика не знала - просто было привычным делом напиваться

каждый день до отключки... Будто прятались друг от друга. И вот однажды он взорвался, как петарда – во время празднества. Они, как обычно, о чем-то говорили, затем поспорили, он вспомнил вдруг, что когда-то она что-то такое сказала ему, обвинил ее, что от них ушла Лана; она стала оправдываться, еле ворочала языком. И он ударил ее. Она упала с табурета и сильно ударилась головой о кухонный шкаф. Он подлетел к ней и стал лупить ее своими крепкими кулаками... Душа пела! С каждым ударом ему становилось легче, в голове прояснялось, мысли упорядочивались, он даже стал провидцем, зная точно, каким будет эффект от очередного удара. Вроде бы не так долго это происходило, но ему настолько полегчало, и вместе с тем так вдруг настойчиво стала биться мысль о завершающем аккорде, что, когда он напрягся из всех сил, чтобы ударить ее правильно и сломать либо шею, либо пробить череп, почувствовал взгляд отца. Поднял голову, – оказывается, он сидел на ней и заколачивал ее лицо в пол, как сваю. Где-то впотьмах стоял отец Владимир – в дверях, как будто то были врата... Илья услышал его голос – голос вкрадчивый, и со смешком:

-Не делай это один раз, иначе потом придется делать так часто, как только сможешь! Возьми ее с собой, чтобы прожить жизнь до старости. Она всегда будет при тебе, ты всегда будешь знать, с какого места можешь начать повторять меня, может быть и своего деда... Таскай ее с собой, не давай ей быть счастливой без тебя, и вы сможете дожить до того дня, когда однажды потом ты увезешь ее в лес... Потому что она не имеет права быть счастливой без тебя...

Он вскочил на ноги, направился к двери и вдруг различил в образе отца пиджак, который висел на крючке у самой двери. Затем он вспомнил будто бы голос отца и понял, что не было никакого голоса – то была просто мысль, которая поразила своей отчетливостью и рационализмом, мысль, высказанная каряво, но мысль вполне даже резонная, спасительная мысль!

Он подскочил к Лике и стал ее приводить в чувство. Потом потащил в ванную, чтобы помыть лицо, посадил ее и пустил душ. Она пришла в себя... А он стал ласковым, извинялся, наблюдал, как постепенно уродуют ее лицо гематомы.

Он обещал ей, что пока она будет поправляться, он ее каждый день станет угощать хорошим вином; ей не надо искать работу, не надо работать. Он станет заботиться о ней. Лика только поинтересовалась, когда сообразительность вернулась к ней, за что он ее так?

-Ты хотела уйти от меня? – ответил он вопросом.

Она расплакалась и призналась, что ей скучно стало, и еще, что она начала его бояться, потому что в глазах его появилось "такое нехорошее что-то". Он даже посмотрел на себя в зеркало ванной, и ему тоже не понравились его глаза. Он обещал ей исправиться...

День этот они закончили как и все предыдущие. Даже любовью получилось заняться. А под утро, когда он проснулся, ее не было в квартире. И снова услышал он голос отца – у самого уха; тихий голос произнес слова:

-Не переживай, она никому ничего не скажет, никуда не заявит. Прокутит деньги, которые стащила, и вернется к тебе. Она уже никуда от тебя не денется.

Ему стало радостно и спокойно. Будто он впервые за последние годы получил то, к чему так стремился – понимание себя! Уже не надо было бегать от

себя, придумывать себя другого. Он стоял напротив того, кому сопротивляться не мог. И чтобы не погибнуть, между ними должна будет стоять Лика. Пока будет Лика, не пострадают ни дети, ни Лариса. Как он стоял перед Ликой, которая не могла противиться вечному стремлению быть пьяной и в нем одном видела гарантированный и быстрый способ удовлетворения, так же он стоял перед отцом своим, который знал его лучше, предвидел наверняка будущее своего сына, ни в коем случае не поторапливал события. Должно быть, сам когда-то поторопился и прожил жизнь в спешке, не в силах противостоять этому странному подкожному зуду, чем-то напоминающему тихий любовный экстаз с ожидаемым взрывом счастья и ликования!.. Оно будет, оно случится, когда по весне однажды они поедут в лес – далеко в лес; поедут втроем – он, Лика и Вова... И вернется из леса он один, так и теща себя мыслью, что отец Вова существовал только в его воображении, и не остался вместе с Ликой в одной яме.

Он проснулся от такого жуткого сна, как от толчка в бок. Мысли путались и руки сами набрали номер отца. Вероятно, Илье надо было убедиться, что сон остался позади.

-Это ты? – спросил он отца.

-Это я, - спокойно отвечал тот. – Завязывай, Илюша, так и до белочки недалеко.

-Да, хорошо, - отвечал Илья и вдруг добавил, - спасибо.

И сам не понял, за что благодарил...

Сергей любил хвастать своим домом, рассказывая, как строил; несколько раз мог отметить то обстоятельство, что архитектор под его диктовку чертил расположение комнат, что вначале было решение построить типовой дом, но потом, как-то случайно зайдя в гости к своему приятелю, он был удивлен искренне, насколько хорошо и удобно располагались комнаты, как легко было перемещаться по дому, что даже потолки – их высота – здесь были продуманы и рассчитаны с учетом особенностей человеческой психики. Ларисе – жене Ильи – все нравилось, она подолгу замирала в каждой комнате, трогала руками мебель, стены; по лестнице нарочно прошлась несколько раз, чтобы почувствовать объем жилого помещения, чтобы разыгралась фантазия и сильно захотелось самой жить в таком доме, или хотя бы на лето с детьми уезжать, или хотя бы иметь эту возможность уезжать, наконец, чтобы просто был такой дом, в который можно было бы уехать по желанию, по сезону, по погоде... Илья был рядом, плелся за ними – за Сергеем и Ларисой...

Слышны были голоса детей – они о чем-то разговаривали на первом этаже. Вначале смотрели фильмы, а потом затеяли разговор с пасынком Сергея от нынешней спутницы его жизни. Еще его немного раздражали попытки Ларисы взять в "адвокаты" Сергея и настоять на воплощении идеи о строительстве. Она это делала с тупостью, с которой многие женщины любят поучать мужей, делая

это с менторским тоном, или апеллируя к здравому смыслу, дескать, как бы тебя, дурака, надоумить, что жить хорошо – это значит жить как все богатые живут. Если можешь построить дом и все вокруг озабочены строительством, почему надо отказываться от того, что позволили себе даже олигархи? Жить в хорошей квартире удобнее, но иметь свой дом престижно; в конце концов, не ради же себя живем, а ради памяти о себе, ради мнения о себе! А к дому и к тишине, после городской суеты и необходимости общаться с "простолюдем", с быдлом, привыкнуть не сложно. Быть хозяйкой большого помещения и иметь возможность нанимать уборщиц, - разве не об этом не смела она даже мечтать?! Вот и приходилось сейчас Илье метать на нее быстрые взгляды, намекая, чтобы она умерила пыл, а Сергею отшучиваться, лишь только предупреждая, что дома строятся не разом и в короткий срок, а по-разному и в разные сроки.

--Всё, пошли вниз угощаться! – решил Сергей закончить брехню Ларисы, да и она успокоилась, даже взяла за руку Илью, улыбнулась ему, давая понять, что разыграла эту сценку просто от удовольствия, что снова живет с мужем.

Он вернулся домой и вот уже больше месяца жил спокойный, ровный как хорошо обструганная доска. Она ничего от него не требовала, ни о чем не спрашивала, когда он уходил, а он взял в привычку сам говорить, когда вернется. В основном был занят делами, постоянно, как молитву, читал про себя заклинание, чтобы имел силы послать Лиду подальше, когда она позвонит. Он не представлял, как это делается, он не убеждал себя, что иначе нельзя. Он надеялся, что она не позвонит и не предложит ему встретиться. А должно было произойти так, как учит современный кинематограф, когда она говорит, что соскучилась, а он отвечает, что тоже думал о ней. Или же он чувствует, что ей плохо, встречает ее и останавливает о попытке самоубийства. Наконец, могло быть и так, что узнает о ее скоростижной смерти. Вот в этом месте становилось скучно и невероятно, поскольку он точно знал, что она пьет каждый день и потеряла счет времени, что скоро допьется до истерики и, вероятно, станет ему названивать. Вот так думать было приятно, после таких дум становилось на душе легче, веселее... Испытывал ли он влечение к ней? Нет. К ним обоим – к Лане и к Лике, даже в большей степени к Лане, - да. Что же таким зудом мучило его, что мог он отрешиться от реальности и висеть в пространстве своих фантазий, калейдоскопа мыслей, иной раз доводящих до иступления. Выпить не было желания, но как-то же надо было противостоять набегавшим волнам тоски! Он не о ней тосковал, не о прошлом. Он просто тосковал, как иные психопаты в патологии своей способны испытывать совершенно необъяснимые переживания, которые одним словом вполне верно будет назвать тоской. За тоской следовало что-то похожее на страх, затем начиналась внутренняя паника. Надо было куда-то бежать... Он не сомневался, что во всем этом виновата Лика, а за это время понял, что даже если она исчезнет с лица земли, он не перестанет... паниковать, беситься. С ним что-то было не так, в таком состоянии хорошо было бы обратиться к психотерапевту, но и это вряд ли. Проходить множество сеансов он не собирался, потому что не считал себя больным, а достать антидепрессанты какие, или еще что, что принимают в таких случаях, он не был намерен, отлично помня тех, кто потом не мог соскочить с колес, так и не справившись с

болезненными состояниями. Вообще, казалось ему, что надо одну какую-то мысль решить, что-то понять для себя... А еще успокаивала нынешняя жизнь и осторожность Ларисы. Будто с ней кто-то поговорил и написал инструкцию, как с ним обращаться, чтобы снова не смылся...

-Съездим за границу, отдохнем, погуляем? – спросил он Ларису тихо, когда Сергей отвлекся на разговор по телефону.

Лариса вспыхнула, посмотрела на него с недоверием. Да он и сам показался себе ненормальным. Однако же знал наверняка, что выдержит эту поездку. И вообще, он должен быть очень благодарен Лике, после которой стал таким домашним... И дела идут в гору, за что стоит благодарить Вову. Правильно говорят, что любить надо своих врагов!..

-А куда поедем? – спросила Лариса быстро, как будто он мог успеть изменить свои намерения.

-Не знаю, Лара, сама выбери. Ты знаешь, если бы можно было душу снять с себя, как рубашку, и выстирать, я бы это сделал сейчас... Выстирать в чистой воде!

Да что же это с ним происходит! Он не собирался говорить такое, а получалось именно так, как никогда раньше не могло быть. Нормальный Илья, прежде чем что-то сказать, успевал несколько раз продумать реакцию на свои слова, а теперь он слышал себя со стороны и не мог остановиться. Да и влечение к Ларисе стало возвращаться...

-Давай на море поедем, куда там можно, во Францию, в Испанию? Или в вечные Турцию, Египет? – заулыбалась она.

-Не, поедем лучше в Каталонию... Там побережье что надо, и цены нормальные. Хотя, сейчас особо о ценах можно и не думать... - сказал он и убедился, как эти слова повлияли на Ларису, какой восторг она испытала.

-Это был Вова, - вернулся к ним Сергей. – Просит повлиять на тебя, чтобы ты принял его в команду...

Этим обращением Сергей давал знать, что не против.

-Может, выплачивай ты ему какие-нибудь деньги, чтобы мужик безбедно жил... А то ведь, хрен его знает, на что пойдет из-за своей злости...

Лариса смотрела на Илью, ему показалось, хотела тоже что-то сказать, но остановила себя.

Он призадумался над предложением Сергея, потом сообразил, что эту идею и проталкивал Вова в разговоре.

-Это он тебя попросил сказать насчет денег?

Сергей, имитируя смущение, с улыбкой пойманного за руку авантюриста, который ничего уже не боится, кивнул.

Хотел Илья сказать, что, коли пошел на соглашательство с Вовой, со своих денег и плати... Но не стал. Подумал, что, может оно и верно, от такого, как Вова лучше просто откупаться... Однако же сказал:

-Знаешь, чтобы не скучал и зарабатывал побольше, предложи ему повторить финт ушами и найти еще покупателей...

-А есть ли смысл расширяться? Мы же считали, что привлечение новых ресурсов повлияет на прибыль – увеличатся издержки. Пусть уж работает завод

как сейчас... Мы незаметны, и денег вполне даже... Мы же вариант расширения рассматривали...

И снова Илья легко согласился.

-Ладно, я подумаю. Отец ведь, да, Серый? – тут уже с нескрываемым сарказмом закончил тему Илья.

Сергей метнул на него взгляд, в котором было лишь недовольство, что с ним так разговаривают в присутствии дамы.

-Ладно, разбирайтесь сами! – мы с Ларисой в сторонке постоим.

...И разобрались.

День спустя Илья назначил встречу отцу. Тот приехал раньше минут на пятнадцать, стоял и, соображал, случайно ли сын назначил место рядом с рестораном, или они впервые выпьют вместе, "посидят культурно". Илья подъехал на своей новой большой машине черного цвета, показался радушным – во всяком случае хоть и сдержанно, но улыбался. Протянул руку для пожатия, сказал:

-Пошли. Я есть хочу.

В ресторане они выбрали место подальше от всех – в самом углу, у окна. Сразу сделал заказ, предложив отцу Вова то же, что сам предпочитал. Вова не суетился – согласно кивнул; вообще, почувствовал, что разговор сегодня будет таким же серьезным, как в прошлый раз, когда они гуляли вместе. И вот, пока на кухне возились с их заказом, произошел этот короткий разговор, результатом которого стала сделка между отцом и сыном – сделка странная, но "выгодная для всех сторон".

-Ты понял, да, что недавно я забухал конкретно? Так вот, я не совсем себя понимаю, не могу объяснить себе, что со мной происходит. Мы были втроем и мне было хорошо. Ларка мне тоже нужна, наверное, детей люблю. Скоро эта сучка позвонит мне и будет слезно умолять встретиться. Она конченная, тем более без меня совсем. Понимаешь, мне очень хотелось вначале, чтобы у нее не было жизни без меня.

-Ты про Ларису?

-Да нет, причем тут она?! Я про сучку одну, зовут ее Ликой. Она сама себя так называет. На самом деле ее зовут Машей... Она спивается, как и ее мать. Там, короче, притон в натуре. Ты постарше, жизнь прожил не простую, на все способен, как я понимаю. Так вот, может рассудишь, как быть. Дело в том, что когда скоро она позвонит мне, я уйду к ней и все повторится... Но хрен-то с этим! Запой не страшен, страшнее, что в прошлый раз я ее чуть не прибил. Я когда с ней остаюсь надолго, со мной что-то происходит. Я будто ревную ее, хотя это не назовешь ревностью. Мне она совсем не нужна, но без меня ей не жить!..- при этих словах, как видел отец, сын стал совсем другим человеком – из тех, которые вначале ухмыляются с металлическим блеском в глазах, потом вдруг меняются, да так кардинально, что перед тем, как начать свой "неодолимый промысел", их человеческие черты искажаются до животного оскала... А потом они успокаиваются и делают все рационально. Таким Вова видел и себя – иногда казалось, что в жизни он часто мог наблюдать за собой со стороны, но потом успокаивала мысль, что он научился быстро забывать, лишая события

эмоционального содержания – все становилось одинаково черно-белым, как газетная вырезка, и ни в коем случае не пестрым, как страница сегодняшнего новостного сайта. Сегодняшней жизни для него не было, как не было той реальности, в которую заставляли поверить все средства массовой информации. Все было таким, как и в далеком прошлом; люди оставались прежними...

-Оставь ее при себе – она никуда не денется. Тебе она нужна будет всегда, чтобы ты не повторялся... - сказал отец Вова и Илья вздрогнул.

Ведь почти эти же слова говорил в тот раз "призрак" – как потом выяснилось, - пиджак.

-Чего ты так удивляешься?! – Вова был искренен. – Я знаю, что говорю. Поверь мне. Я ценю то, что ты хотел дать мне заработать. Это не сложно сделать, что ты просишь. У меня была длинная жизнь и всякое в ней было, особенно когда я жил не дома, когда надо было выбирать – или я, или другой. Но иной раз наступало такое, что надо было избавиться от самого себя, которого ты не принимаешь, от которого тебе плохо! Невыносимо плохо! Так вот, каждый раз, когда ты избавляешься от виновника этого состояния, каждый раз ты обманываешь себя, думая, что невыносимое не вернется снова. Оно возвращается и ты ищешь следующего "виновника". С третьего раза ты перестанешь сомневаться, что дело не в них, а в тебе. И тогда либо не станешь останавливаться, пока тебя не остановят, либо станешь делать иначе, чтобы спокойно дожить свой век. Дело простое – зная, что ты всегда можешь покончить с виновником, держи его при себе; когда захочешь пощекотать нервы, почувствовать "это", принуди виновника страдать за тебя. И тебя будет отпускать – на какое-то время отпускать. Однако, пойми наконец, что имея эти пристрастия и умея так чувствовать, ты способен иногда переживать сильное потрясение, которое будет позволять тебе долго еще жить спокойным. Все будут думать, что ты спокоен, как никто, а ты будешь знать, что твое спокойствие есть следствие твоей мудрости и зрелости – ты научился укрощать в себе беса.

При этих словах Вова улыбнулся такой добродушной улыбкой, что Илье невольно на ум пришло, будто так мог отец компенсировать свое отсутствие в его, сыновнем, детстве, когда нужно было на ночь читать сказки и поучать сына, делаясь жизненной мудростью.

-И еще парадоксальное для тебя, наверное, - уже глядя в сторону, в окно, куда-то в пространство, а не на что-то конкретное, будто вспоминая что-то очень важное, дорогое, Вова завершил удивительно. – Виновник не страдает так, как тебе кажется. Виновник сам будет нарываться на страдания. Остается только меру знать. Только меру знать! Без меры – это преступление, за которое ты будешь в ответе, как только перешагнешь черту...

Илья замер. Он знал точно, что это не галлюцинация, что отец реален. Наверное, он запомнил каждое его слово – во всяком случае, мысль, которую отец донес до него, показалась ему гениальной!

-Получается, я должен беречь Лику?

-Да, - довольный, Володя закивал, даже расплылся в улыбке. – Беречь, как потом этот, из Ветхого Завета, наверное, берег своего сына, после того, как голос сверху разрешил не приносить его в жертву. Ну ты помнишь, да?

-Да, в тюрьме один рассказывал. Кажется Авраам должен был Исаака, сына своего, сжечь на костре, что ли. Чтобы их бог поверил, что он ему предан...

-Вот-вот! Вижу, ты все понял...

Илья почувствовал опустошение и... такое чувство к Лике, какое может испытывать собственник! Постепенно взгляд его стал фокусироваться на отце и тот углядел в глазах сына благодарность.

-Я готов тебя содержать, но в рамках разумного. За сегодняшнюю консультацию я переведу тебе на карточку,.. - он назвал кругленькую сумму, - а потом каждый месяц будешь получать столько, чтобы мог безбедно жить, - и он снова назвал сумму. – Если не согласен, разбегаемся, заплачу только за консультацию.

-Да нет, я только спасибо скажу! – отвечал отец.

Илье показалось, что у того был даже порыв протянуть руку, но он себя вовремя остановил, так что осталось в памяти это неловкое и странное движение корпусом...

Подошел официант с подносом, расставил блюда, пожелал приятного аппетита.

Вова выпил пару рюмок, прямо за столом, через трубку Илья перевел ему деньги, потом они разговаривали о бизнесе и о том, каким образом Вова мог еще заработать.

Расстались как после деловой встречи.

Через несколько дней позвонила Лика. Она шумно дышала в трубку, говорила, будто пережевывала свой язык:

-Илечка, Илюша, мне плохо, мне очень плохо, забери меня отсюда! Мне без тебя очень плохо! Забери меня отсюда...

-Мне придется снова с балкона прыгать?

-Нет, я не там, я в другом месте...

-Спускайся, я заберу тебя с улицы...

-Да, я на улице.. Я тут стою... Я соскучилась. Забери меня и делай со мной что хочешь. Только больше не бей так сильно! - от ее слов по телу прошла такая жгучая волна страсти, как если бы он встал перед жерлом мартеновской печи!

Он сказал:

-Да, обещаю, больше так сильно бить не буду...

=====

Азарян Александр
Июль 2017
Санкт-Петербург